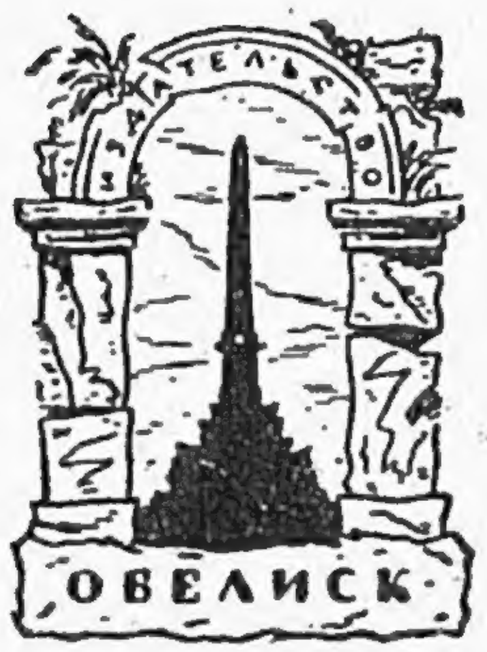
249
1295


ЗАКАТЕЛЬГАТО
ОВЕЛИСК

249 / 1299

АКАД. С. Ф. ПЛАТОНОВ

ПРОШЛОЕ РУССКОГО СЕВЕРА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ ПОМОРЬЯ

ОБЕЛИСК
БЕРЛИН
1924

0,50

SATZ UND DRUCK:
FEILCHENFELD'S BUCHDRUCKEREI A.-G.
BERLIN SW 19, BEUTHSTR. 19

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 21298 1967

I

БЫЛ ЛИ ПЕРВОНАЧАЛЬНО РУССКИЙ СЕВЕР КРЕСТЬЯНСКИМ?

Недавно на одном из с'ездов, посвященных экономическим вопросам, в общем ходе прений солидным ученым было высказано мнение, что заселение севера Европейской России было последствием колонизации крестьянской, земледельческой, трудовой. Можно понять основание такого утверждения, но нельзя с ним согласиться. Русская колонизация «Поморья» (так назывались в совокупности берег Белого моря и долины рек, текущих в Белое море) была первоначально колонизацией боярской, промысловой, капиталистической. «Крестьянским» русский Север стал позднее вследствие некоторых социальных перемен, и те ученые, которые принимают демократический строй севернорусской жизни за первоначальную ее фазу, впадают в ошибку, довольно, впрочем, извинительную. Дело в том, что почти все сохранившиеся до наших дней исторические документы (акты и писцовые книги) северных областей действительно говорят о демократическом характере жизни и мелком крестьянском землевладении. Ряд крестьянских волостей, в которых «учинены судейки, человек с 10, выборные люди тех же волостей крестьяне,

и судятся меж себя по царским грамотам и без грамот»; самостоятельные приходские общины с выборными попами; все права собственности на крестьянские участки, которые переходят свободно из рук в руки по купчим, закладным, духовным и другим «грамотам», засвидетельствованным у своих же выборных властей; земледелие и мелкий подсобный промысел, как основание хозяйственного быта, — вот обычная картина северной русской жизни XVI—XVII веков. Если над крестьянской волостью существует какая-либо вотчинная власть, то это власть богатого монастыря (Соловецкого, Кириллова), или же московского вельможи. Она носит на себе черты феодального владения, не разрушает внутреннего устройства крестьянских миров с их самоуправлением и довольствуется обычно получением в свою пользу тех сборов, которые «черные» крестьяне (то-есть государственные) дают непосредственно государству. Помещика — служилого человека, дворянина — нет на русском Севере XV—XVII веков, нет и обычного последствия поместной системы — крепостной зависимости крестьянина от мелкого землевладельца. Отсюда создается впечатление, что древний русский Север был крестьянским краем с примитивными формами общественности, выросшими в условиях первоначального колонизационного процесса.

Но этому периоду XVI—XVII веков предшествовали другие времена. С половины XV века на севере, в Поморьи, водворилась власть московских государей, сменившая собою власть Господина Великого Новгорода. Московскому правительству пришлось на севере произвести ту же самую перемену, какую оно произвело в самом Новгороде, а именно, уничтожить власть и влияние новгородских «бояр». Когда бояре исчезли или, по мо-

сковскому выражению, «извелися», Поморье стало таким, каким мы его видели выше. При боярах же новгородских оно было иным, имело другую социальную структуру, начало которой восходит к глубокой древности, пожалуй, к XII-му веку. От этих древнейших времен не сохранилось почти никаких документов, ибо время и Москва их истребили. Одни лишь летописи говорят нам о ходе событий в Новгородском государстве, да остатки кое-каких памятников гражданского оборота сохранились в монастырях и случайных частных архивах. Необходимо было особое остроумие и особая точность критической наблюдательности, чтобы по намекам сохранившейся новгородской старины построить правильное понятие об основных особенностях жизни и строя новгородского общества и связанного с Новгородом Поморья. Только тогда, когда мы поймем, на чем строилась хозяйственная жизнь Великого Новгорода, мы уразумеем, кем, как и для чего колонизовалось из Новгорода интересующее нас Поморье в древнейшие времена его исторического существования.

Господин Великий Новгород обладал громадною территорией от Сумского посада на Белом море до водораздела Западной Двины и Ильменских рек. Лишь немногие места в его южных волостях были доступны для успешного земледельческого труда. Вообще же земля Новгородская была «неродима», и население ковыряло землю без верной надежды на урожай, лишь потому, что не рассчитывало на сколько-нибудь правильный подвоз зерна. Не только тогда, когда низовские (в Поволжьи) князья, враждуя, закрывали свои границы для Новгорода, но и в обычное, мирное время новгородцы могли остаться без хлеба по ряду случайных причин. Подсобные промыслы (главным образом, рыболовство)

кормили, но не создавали достатка, а пушной зверь, дававшій когда-то доходный товар, был уже повыбит и ушел на север и восток. В таких условиях новгородцу, чтобы жить обезпеченно и хорошо, надо было торговать. Путем долгого житейского процесса сложился торговый оборот Новгородского государства. Руководили этим оборотом главнейшие города страны — сам Великий Новгород, затем Псков и Старая Руса. Их рынки обратились в главные средоточия товаров, русских и «заморских». В стенах этих городов сбилось густое население, так как в них стеклось все то, что играло руководящую экономическую роль в странѣ. На иностранцев, видавших Новгород и Псков в пору их хозяйственного расцвета, оба эти города производили впечатление очень больших городов, равных коим немного было в Европе. Можно сказать, что в пустынной, слабо заселенной стране Новгородской эти два или три города (если считать Старую Русу) убили все другие поселки городского типа и стянули к себе все нити экономической жизни своего государства, а вместе с ними и административно-политическое руководство всем новгородским обществом. В то время, как Новгород и Псков имели каждый около 6.000 или 7.000 дворов, а Старая Руса около 1.600 дворов, прочие городские поселки не достигали даже и 300 дворов и имели значение не рынков, а крепостей, направленных на «немцев» и «Литву». Таким образом, в новгородском обществе произошла чрезвычайная централизация общественных сил, и «Господин Великий Новгород» был на самом деле «господином» над своей громадной, но пустынной страной, как позднее Псков, получив независимость от Новгорода в XIV веке, стал таким же «господином» над своею областью и своими пригородами.

Оба эти городские центра властно распоряжались судьбою своих волостей и пригородов по старому порядку: «на чем старейшие положат, на том и пригороды станут». Вече новгородское было верховным распорядителем и законодателем для всего государства. Оно слагалось не (из) отдельных лиц и не представляло собою беспорядочной тысячной толпы. Его состав определялся теми внутренними организациями, из которых сложился город: «концами», «улицами», «сотнями». Эти организации становились на вече со своими выборными властями во главе и представляли, каждая в себе, один взгляд, одну волю, один голос. Полное их согласие, когда все они «сходили на одну мысль», становилось волею Новгорода; а разногласие вело к междоусобию. Части города, «концы» и «улицы», шли друг против друга с оружием в руках и искали выхода из разногласия в открытом столкновении. Так мирное единение или же борьба составных частей города-господина создавала в результате политику всего государства. А в этих составных частях города, в «концах», «улицах» и «сотнях», вожаками и руководителями были новгородские «бояре» и «житьи люди» — знать, разбогатевшая на новгородском «торгу» и овладевшая постепенно правом на важнейшие государственные должности. Чем дальше шло время, тем сильнее становилось влияние этой знати. В политике она стала правящим классом — настоящей олигархией, в руках которой сосредоточилась вся власть. В экономической жизни эта знать стала господою рынка и обладательницею земельных богатств. На рынке «бояре» и «житьи люди» являлись капиталистами, у которых кредитовались купцы, и которые поставляли на рынок главные виды товаров. В области апрар-

ных отношений «бояре» и «житьи» были крупнейшими землевладельцами, за которыми была масса «боярщинок», — хуторов и деревень. Как справедливо заметил А. Е. Пресняков [1]), крупное землевладение отнюдь не означало еще крупного хозяйства, напротив, характерной чертой средневекового крупного землевладения было его соединение с мелким хозяйством. В «боярщинах» новгородских сидели на малых пашенных участках или на мелком промысле зависимые от своих господ арендаторы или их прямые боярские «холопы», рабы. Целые сотни их зависели от одного и того же боярина, «позоровали к нему», говоря старым языком. Через них боярин давил на население волостей так же, как через своих приказчиков и должников на «торгу» новгородском давил он на самый торг. К исходу новгородской самостоятельной жизни (в XV веке) новгородское боярство стало громадной силой, от которой зависело в Новгороде решительно всё: и закон, и политика, и торг, и промысел.

В полном своем развитии новгородский торговый оборот имел такой вид. Новгород стягивал на свой рынок товары из-за рубежей, потому что в собственной его стране их не было. Ему необходим был хлеб из Руси — из Поволжья и Поднепровья; чтобы получить его, надобно было в обмен дать Руси «заморский» товар, который привозили готландские и ганзейские купцы на свои «готский» и «немецкий» дворы в Новгороде. Это были сукна, вина, пряности, драгоценные металы. За них надо было дать «готам» и «немцам» морские и северные товары: ворвань, моржовую кость, меха, соль,

---

[1]) «Архив истории труда в России», книга первая, стр. 35.

а также воск. Все эти предметы можно было добывать только в Поморьи, в северных лесах и на берегах Белого моря. Выходило так, что Новгород был торговым посредником, «маклаком» между «заморьем» (Средней Европой) и Русью. Сам он ничего не производил, а только передавал товары с севера на запад, с запада на восток и отчасти на юг, откуда для самого себя получал зерно. Основанием этого кругового торга служила северная промысловая добыча, а целью — обеспечение Новгорода «продуктами питания». Организаторы этого кругового торга, бояре, должны были устремлять свою деловую энергию и капиталы прежде всего на северную добычу, ибо она их богатила, давая возможность торгового обмена с «заморием». Вот почему боярство новгородское так дорожило Поморьем. Оно обратило его в новородскую колонию и в договорах с князьями всегда оговаривало, что северные волости — «се, княже, волости Новгородския». Эксплоатацию этих пространств оно почитало как бы своим правом. На далекий и суровый север оно наладило пути, по которым туда шли новгордские колонизаторы, а оттуда тянулись в Новгород товары. Захватить в сферу обычного управления, сделать север государственной территорией у новгородцев не хватало сил и средств: промадные пространства земли, слабо населенные инородцами, не вполне даже были ведомы русским людям. Они оседали там местами, образуя как бы русские оазисы среди пустынных лесов и в устьях «морских» рек. Когда новгородская колонизация встречалась на севере с попытками колонизации с юга, со стороны низовских (Поволжских) князей, новгородцам приходилось размежевываться с соперниками и признавать их право на пользование известными путями и промыслами. Так,

московские князья в XIV веке пользовались путем по Северной Двине на р. Мезень и далее на север, куда их сокольники ходили добывать «поткы» (то-есть птиц ловчих), и новгородцы им не мешали в этом их промысле. Но когда Москва пробовала укрепиться въ низовьях Сев. Двины, издавна занятых новгородцами, то Новгород оказывал ей до второй половины XV века упорное и удачное сопротивление. Он считал «Двину» своей колонией и наказывал всякие попытки местного населения отложиться от метрополии: когда «двинские бояре» стали было «позоровать к Москве», Новгород вооруженной силой изгнал с Двины московских чиновников и жестоко покарал двинских вожаков. В Новгороде, словом крепка была мысль, что Поморье должно тянуть к нему и должно служить его интересам, хотя оно лежало и за пределами Новгородского государства.

Отдаленность от Новгорода удобных и богатых промысловых мест на севере и трудности путей, туда ведших, были причиною, почему бедному переселенцу очень трудно было в одиночку итти в Поморье. Он застревал на пути, задержанный широкими порожистыми реками, каменными «сельгами» и топкими болотами Обонежья. На далекий морской берег (Терский, Поморский, Летний, Зимний, как его называли на разных его участках) могли проникнуть только хорошо снаряженные и снабженные партии колонистов, имевшие целью основать новый промысел или приобрести новое становище для морского лова. Такого рода партии и формировались в крупных боярских хозяйствах. Новгородский капиталист, боярин или «житой человек», желавший вновь завести или увеличить свои промысловые заимки на севере собирал у себя своих холопов, «дворчан» или «дворян» (то-есть дворовых людей), и посылал их на

север. Они шли в «ушкуях» (лодках) или на конях и добирались до морского берега. Выйдя к морю, они шли морем вдоль берегов, ища удобных мест для становищ. Найдя устье реки, впадающей в море, они входили в реку до первых ее порогов. Привлекали их и удобные бухты, в которых можно было основаться для ловли рыбы и боя моржей. Все удобные места, не занятые ранее, занимались ими на имя их господина и становились боярскою вотчиною. Так возникали промысловые боярские поселки с русским населением. Распространяясь от первых становищ по берегу или вглубь страны, поселенцы покоряли себе инородцев — «корельских детей» или «лопь дикую», или же (восточнее) «самоядь», «примучивая» их к промыслу своего господина. Понемногу целые округа подпадали вотчинной власти того или иного боярина. Семья бояр Борецких в XV веке владела, например, значительным сплошным пространством вдоль Летнего (южного) берега Белого моря. Первые русские поселения, усевшиеся где-либо на морском берегу или на рыбной реке, становились опорными пунктами для дальнейшей колонизации. От них ползли во все стороны деревни «орамой» земли, соляные варницы с одним двумя дренами, семужные «заколы». Под кровом знатного и сильного владельца не только его холопы, но и независимые от него мелкие русские люди, проникшие по следам боярина на север, усаживались на удобных для хозяйственной деятельности местах. А затем и монастырские иноки оказывалисы в ряду колонизаторов. Они или по своей воле уходили из обителей на север, в дикую глушь, искать созерцательнаго уединения, или же призывались светскими владельцами угодий, завещавшими и дарившими монастырям, на помин их грешных душ, села, земли и про-

мыслы. К XV веку всё побережье Белого моря было уже унизано русским населением, зависимым от бояр и отчасти от монастырей. Они явились здесь властными представителями крупнаго землевладения с тою же его особенностью, как и в самой Новгородской земле: крупное землевладение и здесь не означало крупного хозяйства. Как морские промыслы, так и все другие виды промышленной и вообще хозяйственной деятельности на севере не слагались в крупные и сложные организации, а представляли собою группы разбросанных на больших расстояниях мелких предприятий, принадлежащих одному крупному капиталисту. Он управлял ими издали, из Великого Новгорода, и был заинтересован только в том, чтобы из его отдаленной крепостной вотчины в срок и в достаточном количестве шел товар на новгородский «торг». В этом, главным образом, и заключался для него смысл его заимок в далеком краю.

Итак, первоначальные русские поселки в Поморьи вышли из Новгорода. Они носили промышленный характер. Их назначением была поставка местных продуктов промысла и охоты на новгородский рынок. Их инициаторами были хозяева этого рынка, новгородские бояре-капиталисты. Промысловые заимки новгородцев становились базою для дальнейшей русской колонизации в Поморьи. Когда в XV веке, Москва завоевала Поморье, она «извела» новгородских бояр и освободила от их власти население их «боярщин». Она обратила «дворчан» и холопей боярских и «примученных» ими инородцев в «сирот великого государя московского», то-есть в крестьян, сидевших не на земле государевой, а в своем посельи. Предоставленная этим «сиротам» возможность самоуправления повела к тому, что прежк

ние боярщины обратились в крестьянские волости с крепкой внутренней организацией. Эти волости были составлены сплошь из мелких земледельческих и промысловых хозяйств и, постепенно размножаясь, распространялись в виде таких же мелких «починков», крестьянских заимок. В этом московском периоде своей жизни Поморье приняло вид крестьянского мира с примитивными формами хозяйства и общественности.

Отжитая эпоха капиталистической эксплоатации края была забыта и не дает себя чувствовать наблюдателю Поморья, видящему его позднейшую форму и не знающему древнейшей.

II

НОВГОРОДСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

Первоначальное заселение русского Севера славянским племенем пошло из Великого Новгорода. Историческая наука не располагает точными данными о том, когда и как началось это заселение. Но общее знакомство с историей хозяйственной жизни Новгорода позволяет, как мы говорили выше, восстановить обстановку, в какой совершалось освоение новгородцами громадных пространств по берегам «Студеного» моря и впадающих в него рек. В пору окончательного образования Новгородского государства, в XIII веке, когда сложились основы политической самостоятельности Новгорода, территория «Господина Великого Новгорода» уже не удовлетворяла всем потребностям его населения. Земля Новгородская давала скудные урожаи, а часто и вовсе их не давала, если морозом побивало жито. Новгородцам необходимо было пахать только потому, что они не могли рассчитывать на правильный подвоз хлеба с русского юга и востока. Если бы такой подвоз был обеспечен, силы новгородцев целиком были бы направлены на иные виды труда. Но пока восточные и южные князья имели возможность «засечь пути» к Новгороду и «не пустить в город ни воза», до тех пор новгород-

цам приходилось держаться за соху и «страдать» на пашне при самых неблагоприятных климатических и почвенных условиях. Тем не менее, земледелие для новгородцев было все-таки только подспорьем, а главные их усилия были направлены на иную добычу. «Природных богатств в такой стране (говорит А. И. Никитский, лучший знаток Новгородской истории) нужно ожидать не от почвы, а от массы лесов и вод, покрывающих ее в полном изобилии»[1]). Действительно, лесные и рыбные промыслы были развиты сравнительно сильно и давали новгородцам не только кров, пищу и одежду, но и дорогие товары, питавшие новгородские рынки и поднявшие новгородскую торговлю до значительного напряжения. Только эти товары новгородцам приходилось добывать не в коренных своих областях. Там в пределах Новгородских пятин, составлявших государственную землю В. Новгорода, богатства вод и лесов оскудели, повидимому, довольно рано, и все рассказы новгородцев о сказочном обилии их страны относились уже не к пятинам, а к окраинным Новгородским «землям», освоенным новгородской колонизацией вне их государства. Это на Северной Двине, на берегах Белого моря, на далекой Печоре и в Приуральской Югре, водились в изобилии редчайшие звери, птицы и рыбы и даже из туч будто бы падали новорожденные векши и «оленци-мали» и, подросши, расходились по земле[2]). Таких чу-

---

[1]) А. И. Никитский. История экономического быта В. Новгорода. М. 1893, стр. 5.

[2]) Красивый рассказ древней летописи под 1114 годом о маленьких оленях, падающих из облаков на землю, очень напоминает лопарское предание, записанное в одном из шведских рассказов Стига Стигсона, о том, что «олень не сын Земли; он сын Солнца, он принадлежит самому богу; это могут подтвердить старики: они знают, что первое оленье стадо спустилось с облаков».

дес новгородцы дома у себя не видали уже в XII и XIII веках; напротив, терпя нужду на своей «неродимой» земле, они уже тогда тянулись за богатством на далекий север и северо-восток. В этой тяге на север, суровый и холодный, но обильный и суливший счастливую добычу, нашла свой исход энергия новгородцев, утесненных столь же суровыми условиями быта на их родине. С великими усилиями проложили они несколько путей на Северную Двину и Белое море. Выходя р. Свирью на оз. Онего, они шли по озеру на север вдоль обоих берегов, западного и восточного: у них был налажен «судовой ход Онегом озером на обе стороны по погостам», и в прибрежных погостах расположено шесть рынков — «рядков». С восточного берега озера новгородцы двигались далее на восток и северо-восток, пользуясь, главным образом, речками и озерами, так как «тележных дорог» не было и ехать было возможно только «с нужею: зашли мхи и озера и перевозы через озера многие». Один путь на восток, на р. Онегу, шел от озера рекою Водлою (Водла, ее приток р. Черева, оз. Волошево или Волоцкое, р. Поча, Кенозеро и р. Кена). Этим путем выходили на р. Онегу пониже Каргополя и по Онеге направлялись к морю, или же от пристани Маркомус переходили на верховья р. Емцы и по ней добирались до Сев. Двины. Другой путь на восток направлялся от нижнего течения р. Вытегры к оз. Лаче какими то не совсем для нас ясными волоками и выходил к г. Каргополю, откуда открывались уже торные пути на Северную Двину и к морю. Отъ северной оконечности Онежского озера, от нынешнего Повенца, через Матко-зеро, шли пути в Заонежские погосты на реки Выг Суму и Нюхчу прямо к берегам Онежской губы. Наконец, от стариннаго Новгородскаго городка Корелы

(Кексгольм) был путь в «Лопские погосты», в «дикую лопь», то-есть в северо-западный угол Олонецкой губернии, а оттуда на Корельский берег Белого моря. Так разными путями Новгородцы добрались до заветных мест Белого моря, где надеялись найти желанную добычу — рыбу, морского зверя, соль и меха.

Почин и руководство в колонизационном движении Новгорода на север, как было сказано, принадлежали верхним слоям новгородского общества — боярству и житьим людям. Новгород для своего торга ничего, или почти ничего, не добывал и не производил на собственной почве. Он был только торговым посредником между соседями, извлекая для себя пользу из самого посредничества. Если представить дело в простейшем его виде, то можно сказать, что новгородцы добытый ими на севере, в Поморьи, товар предлагали «заморским» немцам, а товар, полученный в обмен, от немцев, отправляли на русский юг и юго-восток и за него получали с юга и с юго-востока воск и хлеб. Самый Новгород при этом играл роль главнейшего рыночного пункта, на котором сходились товары поморские, немецкие и русские и на котором совершались все важнейшие сделки. Доставка товаров с далекого севера, да и самая добыча их на севере, требовали больших средств и твердой организации. Обороты с инозем-ными покупателями, хорошо организованными в свою очередь, нуждались в точном определении взаимных отношений между новгородским и немецким купечеством. Мелкому промышленнику и торговцу было бы не по силам вести в одиночку добычу, доставку и продажу малых партий товара в условиях того времени, когда приходилось вооруженною рукою удерживать за собою место промысла и пути сообщения на инородческом се-

вере, когда были надобны громадные усилия для возки товаров по болотистым волокам и порожистым рекам, когда на самом новгородском рынке русский купец встречал ловких и хитрых контрагентов, покупателей и продавцов, «немцев», крепко хранивших свой интерес и соединенных тесною взаимною связью. В таких условиях только экономически сильные и политически влиятельные люди могли предпринимать поездки из Новгорода на север, в Поморье, и могли основывать там промышленные поселки. Скупой на подробности Новгородский летописец и древнейшие Соловецкие и Двинские грамоты дают немногие, но очень вразумительные указания на первых новгородских насельников Поморья и Подвинья.

Это всё «именитые» новгородские люди — посадники, бояре и прочая новгородская знать. Об этих людях В. О. Ключевский в своем очерке «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» говорит, «что около половины XV века многие имели там *отчины*, у некоторых были уже *отчины* и *дедины*». Стало быть, в XV столетии там сидело уже третье поколение новгородских заимщиков. Иные являлись за добычей в виде простых насильников. Так, в 1342 г. новгородский боярин Лука Валфромеев, «не послушав Новграда», собрал дружину, «скопив с собою холопов сбоев (удальцев) и поеха за волок на Двину и постави городок Орлец» (ныне Орлицы, верстах в 30 от Холмогор). Оттуда, из своего городка, начал он войну по Двине и взял было «все погосты на щит». Но местные люди встали на насильника, и он погиб от их рук. Об этом узнали новгородцы, и началась из-за Луки смута в самом Новгороде, где нашлись сторонники и почитатели убитого боярина. Приключения Луки имели в своей

основе грубое желание завладеть уже заселенным краем в личную собственность смелого предпринимателя с целью торгово-промышленного использования местных богатств. Грубое насилие вызвало отпор и повело к смуте. Иначе обходилось дело в тех случаях, когда энергия новгородцев направлялась на дикие, никем не занятые пространства, еще ожидавшие людского труда. Боярские «холопы сбои», мирно снаряженные своим господином-боярином, выходили на морской берег по одному из указанных выше путей и в своих ладьях («ушкуях») шли вдоль берега, заходя в попутные бухты и устья морских рек. Везде, где можно было устроить становище, они занимали места на имя своего боярина и немедля устраивали промысел. Так возникали соляные варницы, рыболовческие поселки, ловчие станы, а за ними появились и «страдомые деревни» или «орамые земли» — в тех местах, где возможно бывало занятие земледелием. По общим свойствам края, и промысел и пашня могли возникнуть не везде, а только там, где природа давала к тому счастливое сочетание необходимых условий. Поэтому промышленные и земледельческие поселки «сидели в розни», отделялись друг от друга дикими пространствами болот и леса. «Большая часть Новгородских вотчин в Поморьи (говорит В. О. Ключевский), даже у мелких собственников, не представляла сколько-нибудь округленных земельных владений, сосредоточенных в одной местности, а состояла из многих раздробленных, мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и по *рекам морским*, как выражаются грамоты, часто на огромном расстоянии друг от друга»[1]). При

[1]) В. О. Ключевский. Опыты и исследования, стр. 6.

неизбежной в таком порядке заимок чересполосице выходило, однако, так, что сильные бояре-колонисты, заняв для себя десятки мест в одной какой-либо области Поморья, закрепляли за собою всю эту область, втягивая своих мелких соседей в круг своего влияния. Так, знаменитые Борецкие, овладев промысловыми и пашенными угодьями на Летнем и Поморском берегах Белого моря, оказались господами в этих областях. Когда же падение самостоятельности Новгорода сломило силу этого боярского рода, его вотчины и дедины перешли постепенно в обладание Соловецкого монастыря, и монастырь стал главным землевладельцем и хозяином на южном и западном берегах Белого моря.

За первыми насельниками Поморья, новгородскими боярами, по проторенным ими путям, шли на север и более «обычные люди» — простые промышленники и пахари из мирских людей и не менее простые поселенцы из числа иночествующей братии. Этот мелкий люд селился в Поморьи среди бывших там искони туземцев — лопи и корел и, повидимому, не враждовал с ними за землю, которой хватало всем. Иноки и миряне одинаково легко осваивали занятые места в полную собственность, иногда лишь вступая в пререкания за эту собственность со своими земляками — боярскими людьми. Так, основатели Соловецкого монастыря выдержали борьбу с «боярскими рабами», которые приплывали к их острову и гнали иноков прочь, говоря, что «остров по отечеству наследие наших бояр». Иноки отсиделись на занятом месте и потом закрепили его за собою формально, получив на свой архипелаг жалованную грамоту Господина Великого Новгорода.

В таких чертах рисуется первоначальное заселение ближайших к Новгороду областей Поморья и Двинской

земли. Главный мотив колонизационного движения — поиски товаров для новгородского рынка; вожаки движения — новгородские бояре, распорядители новгородского рынка; господствующий вид русского поселка на севере — промышленная заимка, стан охотников или рыболовов; преобладающий тип поселенцев — боярские люди, «холопи-сбои»; работающие на своих господ-бояр. Им принадлежало первенство в освоении Поморья. За ними уже шли другие поселенцы — монах и крестьянин, садившиеся на малые участки и работавшие на себя, совсем в одиночку или же малыми «дружинами» в 2—3 «друга», в 10—12 »другов». Из этих то «дружин» и слагалось мало - по - малу, веками, то свободное население Поморья, которое в последующее время образовало в крае демократическую основу русского населения — крестьянского в «погостах» или «волостях» и иноческого в монастырях. Свое привычное земское устройство русские насельники прививали и туземцам, когда крестили «дикую лопь» или «корельских детей» в православную веру. Корел и лопарь, принимая христианство, вместе с новой верой и русским именем принимали и весь облик русского человека, «крестьянина», складывались в погосты вокруг церкви или часовни и начинали жить русским обычаем в такой мере, что по старым грамотам нет возможности отличить коренного новгородца от инородца - новокрещена. Чем южнее и теплее места и хлебороднее почва, тем сильнее и заметнее в Поморьи этот мелкий демократический, «крестьянский», элемент населения и тем меньше развит элемент боярского, капиталистического, если можно так выразиться, освоения края. Если боярский захват особенно характерен для областей по южному и западному побережью Белого моря, то на р. Онеге и Северной Двине уже в глубокой

древности заметны более демократические организации — волости и погосты с населением из местных «двинских бояр» и простых землевладельцев. Особенно на С. Двине и ее левых притоках был силен крестьянский «мир» и было относительно слабо воздействие новгородской знати. Здесь в конце XIV века произошло даже явное отложение от Новгорода: бояре двинские и все двиняне «задалися» за Московского великого князя, а от Новгорода «отнялися», при чем двинские вожаки «воеводы Иван и Конон с своими други волости Новгородские и бояр новгородских поделиша себе на части» Новгородцам надо было силою возвращать себе отпавшую область: они послали на Двину рать, числом в 3.000 человек. Эта рать одолела московскую «засаду» (гарнизон) в городке Орлеце и заставила двинян сдаться. Воеводы Иван и Конон «с други» были схвачены и казнены, а прочие вожаки, «кто водил Двинскую землю на зло», были закованы и потом в Новгороде замучены или же заточены по монастырям. На двинян наложена тяжелая контрибуция (2.000 рублей и 3.000 коней, по коню на каждого новгородского воина); а городок Орлец «разгребоша» (то есть срыли)[1]). Двинская земля еще на 75 лет осталась во власти Великого Новгорода, но потом окончательно перешла к Москве. Строптивость двинян по отношению к новгородской власти объясняется тем, что область их (называемая то Двиною, то Заволочьем) была ареною не только Новгородской, но и «Низовской» (или Московской) колонизации. Через волоки, отделявшие Волжские притоки от Сухоны и Ваги, шло на север население с Поволжья, и сами Низовские князья с Волжских верховий принимали участие

---

[1]) Новгородская первая летопись под 6905 (1397) годом.

в эксплоатации северных богатств, заключая с Новгородом особые на этот предмет соглашения. Они, например, посылали через Двинскую землю, на реки Пинегу, Кулой, Мезень и Печору «ватаги» своих сокольников за ловчими птицами и при этом особыми грамотами обеспечивали сокольникам свободу передвижения через Двинскую землю, «како поидут с моря с потками» («пътъка» — птица). На основании княжеских грамот XIV века можно даже заключить, что на севере у Низовских князей были не одни только случайные ловища: местное население было повинно им «по пошлине» кормами и подводами «с погостов» для поездок княжеских ловцов; а в некоторых местах (на Терском берегу и в погосте Кегрольской волок на р. Пинеге) сидели княжеские приказчики, и новгородцы обязывались в те места не ходить и не вступаться. Таким образом, путем договоров с Новгородом князьям весьма рано удалось приобрести некоторые права на самой удаленной новгородской окрайне на Зимнем и Терском берегах Студеного моря. Пользование этими правами делало князей хозяевами занятых их ловцами мест и порождало в них интерес и вообще к делам на севере. Колонизация Помория становилась мало-по-малу их собственным делом и будила в них мысль о полном освоении далекой Новгородской окраины, или точнее, тех путей, которые вели на морские княжеские промыслы.

Еще слабее, чем в Подвиньи, было напряжение новгородской колонизации на крайнем русском северо-востоке, в области Печоры и северного Урала. Отдаленность, суровость и дикость этих мест делали их доступными только для самых предприимчивых людей, и то не с целью селитьбы, а лишь для поиска дани среди дикого «югорского (вогульского и остяцкого) населения.

Такого рода поиски новгородцы предпринимали уже в XI и XII веках. В 1187 г. на Печоре и в Югре были уже новгородские «данники» (сборщики дани), и новгородцы считали Югру и Печору своими государственными «волостями». Для того, чтобы держать инородцев югорских в страхе и повиновении, из Новгорода снаряжались туда военные экспедиции, взимавшие там дань и каравшие строптивых. Но эти экспедиции встречали иногда упорное сопротивление от местных югорских князей, не желавших над собой новгородской власти. Таким образом, в состав мирных новгородских «волостей» югорские места не входили, и селиться в них новгородцам было рискованно. Самые сношения Новгорода с Печорою и Югрою были затруднены, и не только дальностью расстояния, но и тем, что северный путь по рр. Пинеге, Пезе и Цыльме был очень неудобен, а южный — по рр. Сухоне и Вычегде рано попал в руки Низовских (Ростовских) князей и потому не всегда мог хорошо служить новгородцам. Так, в 1323 г. «заратишася устюжане с новгородцами, изымаша новгородцев, кто ходил на Югру и ограбиша их». То же и в 1329 г., «избиша новгородцев, котории были пошли на Югру, Устюжскии князи»[1]). При этих условиях нельзя, конечно, говорить о сколько-нибудь заметном «заселении» новгородцами Печерского и Югорского края.

Точно так же трудно сказать что-либо определенное о начале сношений новгородцев с Пермским краем и Вяткою. Новейшие изыскания привели только к упразднению легенд, связанных с древнейшей историей этих областей. Уже Костомаров сознавался, что «известия о способе владения Новгорода этою отдельною (Перм-

[1]) Новгородская первая летопись под 6695, 6831 и 6837 гг.

скою) землею до того скудны, что нет возможности вывести что-нибудь точное». Исследование А. А. Спицина доказало, что «повесть о стране Вятской» передает простую басню, лишенную всякой фактической основы, говоря о том, как «в лето 6682 (1174) отделишася от предел Великого Новгорода жители новгородцы самовласт-цы с дружиною своею и, шедше», основали город на р. Каме, затем перешли на Чепцу и Вятку и завоевали на Вятке «чудские» городки. В них новгородцы «начаша общежительствовати самовластвующе, правили и обладали своими жителями... и прозвашася вятчане реки ради Вятки». Красивая легенда о далеком «народоправстве» создалась, повидимому, в самом конце XVII века путем книжных измышлений [1]). Точные же летописные записи дают сведения о вятчанах и Вятке не с XII, а только с XIV столетия, и притом сведения краткие и неопределенные. Совершенно ясно одно, что ни в Перми, ни на Вятке сплошных оседлых новгородских поселений не было до самого московского завоевания, а Москва нашла там инородческое «общежительство», которое новгородцы эксплоатировали наездами.

---

[1]) Костомаров. Северно-русские народоправства, I (СПб, 1886), стр. 404; А. А. Спицын. «Один из источников истории Вятского края».

III

НИЗОВСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

1

После Великого Новгорода вторым базисом колонизационного движения на Руси на Север был московский центр — пространство между верхнею Волгою и Окою. Начиная с XII столетия, этому пространству суждено было стать средоточием русских народных сил. Слабое и разрозненное финское население легко уступало здесь свои места славянам — пришельцам из Новгородской Руси. С незапамятных времен кривичи и словене с варягами проникли в эти места, основали среди финнов-аборигенов свои города (Ростов, Суздаль) и стали от них распространять хозяйственные заимки по Волге и Оке. Позднее в соседстве с северно-руссами подошли сюда с юга и юго-востока и восточно-руссы (вятичи) и осели по верхней и средней Оке. Под напором русских племен финны исчезли из края, отодвинулись на северо-восток или же растворившись в русской стихии [1]).

---

[1]) А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка (1915), введение. — Его же. Введение в курс истории русского языка (1916), стр. 110 след. — С. М. Середонин. Историческая география (1916), стр. 208—215.

Таким образом, на пространстве между верхнею Волгою и Окою создалось сплошное русское население и чем хуже складывалась обстановка для Руси на юге под ударами степняков, тем энергичнее двигалась Русь из пределов лесо-степи в «Залесье», на Оку и Волгу, и тем плотнее заселяла она их междуречье. Между северно-руссами и восточно-руссами, суздальцами и рязанцами, не было мира и шла вражда за колонизуемую землю. Вятичи-рязанцы поставили предел распространению северно-руссов на юге за Оку, а последние в свою очередь не пускали на север «полоумных смердов» и «чудищ» рязанцев. Тем не менее быстрое заселение «Залесья» повело к замечательному под'ему культуры в крае, вызвало здесь рост народных сил и высоко подняло политическое значение великого княжества Суздальско-Владимирского. В исходе XII века великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич представлялся современникам могучим властителем, который смог бы «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти»; так отзывалось о нем «Слово о полку Игореве», разумея силу его ратей. Памятники вещественной культуры, как ни мало их сохранилось от Суздальщины XII века, свидетельствуют о расцвете художественного вкуса и о материальном богатстве северных князей-храмоздателей, восхищавших население своими постройками. С восторгом летописец говорит о Ростовских и Владимирских храмах, что над ними трудились, «изо всех земель мастеры» и что храмы были так «дивны и велики», как не бывали прежде и не будут впредь. Не раз мелькает в памятниках той эпохи такое восторженное изумление перед деятельностью Владимиро-Суздальских князей и перед успехами северно-русской гражданственности

до-татарской эпохи. Конечно, эти успехи стали возможны лишь потому, что Суздальская земля (по словам А. А. Шахматова) «вместе с княжеской властью переняла от Киева его культуру и просвещение». «Втечение недолгого своего существования (говорит А. А. Шахматов) Киев успел выработать идею национальной княжеской власти, положив основания своеобразной и устойчивой культуре, приобщить все русские племена к христианству и создать национальную церковь. Все эти блага цивилизации стали общим достоянием русской земли. Они открыли возможность роста и развития новым центрам, создававшимся при тех или иных новых условиях народной жизни»[1]). Казалось, началам киевской культуры суждено было блестящее развитие на русском северо-востоке. Но пришли татары, и все изменилось в Суздальщине: не только приостановились успехи гражданственности, но совершилось перемещение самого населения и руководящих центров края.

Очень любопытны наблюдения М. К. Любавского над последствиями татарского завоевания XIII века в Суздальской земле. «В XII и большей части XIII века население Суздальской земли (говорит он) группировались преимущественно в средней ее части и восточной, а западная окрайна ее, территория позднейшего княжества Московского и Тверского, была слабо заселена... На такое именно, а не на иное размещение населения указывает и самое распределение княжений в Ростово-Суздальской области в XIII веке. Большая часть княжений в XIII веке группировалась именно в средней и восточной частях Ростово-Суздальской области, каковы

---

[1]) А. А. Шахматов. «Очерк древнего периода истории русского языка», стр. VI—XI.

были: великое княжение Владимирское, княжение Ростовское, Ярославское с Белозерским, Костромское, Галицкое, Юрьевское, Переяславское, Суздальское и Городецкое. В западной части Суздальского края встречаем только два княжения — Тверское и Московское... Если собрать все летописные указания на населенные пункты в Суздальской области за XI — XIII вв., то совершенно ясно вырисовывается, что в этой области раньше и гуще заселились бассейны средней и нижней Клязьмы и Поволжье от впадения Шексны до впадения Оки» [1]). Именно на эти места и направлялись чаще всего и сильнее всего удары татарских полчищ в XIII столетии. Батый опустошил все это пространство; «то же происходило и после Батыева нашествия, когда Суздальскую землю стали периодически навещать татарские баскаки с отрядами и в особенности в последние два десятилетия XIII века, когда происходила усобица между сыновьями Александра Невского». Под ударами татар и притеснениями их баскаков население не хотело оставаться. «Вероятно, уже после первого погрома часть населения, попрятавшаяся в лесах, не пожелала вернуться на старые пепелища и предпочла уйти подальше от татар — на запад и север, в более лесистые и пустынные области». И в дальнейшие десятилетия повторялось то же самое: люди уходили с обжитых мест в более безопасные. «Перелив населения с востока на запад Суздальской земли и обусловил естественно возвышение княжеств, лежавших на западе этой земли, — Тверского и Московского» [2]). Отход же населения с

---

[1]) М. К. Любавский. «Возвышение Москвы» в издании «Москва в ее прошлом и настоящем», часть I, стр. 69.

[2]) Там же, стр. 70—71. Так же М. К. Любавский. «Лекции по древней русской истории» (1915), стр. 215-218.

Волги на север начал собою первые этапы Суздальской и Московской колонизации Заволочья и Поморья. Соображения М. К. Любавского остроумны и основательны. Они становятся наглядно ясными, если поставить их в связь с обычными маршрутами той эпохи. Между Рязанью и Владимиром не было в ту эпоху прямого пути. Между ними лежала непроходимая болотистая «Мещерская сторона», сквозь леса и топи которой и в позднейшее время не было путей. Это пространство (между нынешней Рязанью, Егорьевском, Покровом, Судогдою, Меленками и Касимовым) надобно было обходить, идя с юга — или вправо на Муром или влево на Москву. Татарские рати избирали первое направление и тем самым оставляли Московские и Тверские места далеко влево от главной арены своих кровавых действий. Их удары обрушивались на среднее и нижнее течение Клязьмы и через Клязьму на Ростов и Волгу. До Твери и Москвы очередь доходила не всегда. В их области уходили те, кто не успевал уйти за Волгу. Москва и Тверь полнились народом так же, как стали полниться беглецами Костромские, Галичские и Вологодские места. Века XIV и XV — это время усиленной колонизации с юга на север на перерез колонизационным потокам, струившимся в Заволочье из Новгородчины.

2

История первых низовских заимок на севере очень темна. Из грамоты Владимирского великого князя Андрея Александровича (на рубеже XIII и XIV столетий) мы узнаем, что по договору с Новгородом великий князь посылал «на море» за ловчими птицами «ватаги» сво-

их ловцов и пользовался преимущественным правом «ходити на Терскую сторону», куда новгородцы «не ходят». Так как подобные же грамоты о сокольниках Ивана Калиты определенно говорят о «Печерской стороне», «Кепрольском волоке» и адресуются «на Колмогоры», то можно с уверенностью заключить, что дело в грамотах идет о Зимнем береге Белого моря и Печерском крае, т. е. о том крайнем северо-востоке, который всегда славился своими соколами. Так как обладание этими «местами», по грамоте князя Андрея Александровича, было его наследственным правом и «пошло (по его слову) при моем отце и при моем брате», то, значит, великокняжеские владения на крайнем севере восходили по крайней мере к середине, если не к началу XIII века. Уже тогда подчиненное Новгороду местное население на С. Двине, Пинеге и Кулое давало «ватагам» великого князя «с погостов корм и подводы по пошлине». Уже тогда великий князь «приказывал» Печерскую сторону с ее ловищами своему приказчику, который притом ведал «Погост Кепрольский волок» по пошлине, «как то было (пишет Иван Калита) при моих дядях и при моем брате при старейшем» [1]). Так намечается важный факт раннего существования ловческих заимок на севере у низовских людей. Раз были эти заимки, были, стало быть, и постоянные пути с юга на север, которыми могли пользоваться не одни, конечно, князья, но и все подвижные элементы низовского населения. В историческом письменном материале нет, однако, точных указаний на то, как и когда в XIII — XIV вв. началось движение на север по этим путям. Есть только намеки на распространение в северном направлении княжеских

[1]) А. А. Эксп. I, №№ 1, 2 и 3.

вотчин Московских, Ростовских и Ярославских князей и на значительное развитие монастырской колонизации в северном направлении.

Повидимому, ранее других княжеских линий и далее их ушли на север Ростовские князья. Род их рано ослабел и обеднел; многие его линии измельчали, и, потеряв характер владетельных князей, обратился в простых вотчинников с княжеским титулом. Уступая свои коренные земли властной Москве, Ростовские князья вознаграждали себя заимками на севере. В начале XV века многие из них оказались владельцами большого количества земель на реке Ваге и ее притоках, на С. Двине, на р. Емце и Мехренге. Десятками перечисляются эти земли в Московских «списках Двинских земель», как выморочное имущество, перешедшее после Ростовских собственников в распоряжение великого князя всея Руси [1]). Столь счастливое распространение княжеских заимок, конечно, сопрягалось с движением на эти заимки и рабочего люда, подвластного Ростовским князьям. Так создавалась на дальнем севере «Ростовщина» — проводница московского влияния и власти.

Одною из отраслей Ростовского княжеского рода была линия князей Белозерских, владения которых «расположились кольцом кругом Белоозера, удаляясь от него на юг в бассейне Шексны, где они встречались с вотчинами Ярославских князей» [2]). Белозерские князья под фамилиями Кемских, Ухтомских, Сугорских, Шелешпанских и др. представляли собою еще более типич-

---

[1]) А. А. Э. I, № 94. Сравн. Д. К. Зеленин «Великорусские говоры» (1913), стр. 438—439.

[2]) С. В. Рождественский. «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века» (1897), стр. 153 и след.

ные образцы измельчавших владетелей, чем их Ростовские сородичи и соседи. Из них князья Кемские на мелких родовых вотчинах по р. Кеме, с севера впадающей в Белоозеро; князья Ухтомские на р. Ухтоме [1]) в Пошехоньи, где их соседями были Сугорские, Белосельские и (через Шексну) Андомские и Вадбольские князья. Вся местность по верхней Шексне, по рр. Суде, Андоге и по берегам Белоозера была освоена княжескою колонизациею, плодами которой пользовался впоследствии Кириллов монастырь, сумевший исподволь перевести княжеские вотчины в свое обладание.

Не менее Ростовского рода разветвившийся и измельчавший Ярославский княжеский род также тянул на север, из своих коренных Ярославских мест. «Вотчины Ярославского княжеского рода перемешивались с вотчинами Белозерских князей в бассейне Шексны, Мологи и Кубенского озера; эти реки и озера с их притоками были центральной областью, в которой сгруппировались владения Ярославских князей, обломки их бывших уделов» [2]). Из Ярославских уделов выделился прежде других удел Моложских и Прозоровских князей на р. Мологе; затем Новленских князей в Пошехоньи и удел Заозерско-Кубенский, состоявший из земель вокруг Кубенского озера. Если сообразить по карте расположение всех этих княжеских владений, Ростовских и Ярославских, то нетрудно заметить, что от Верхней Волги (через Мологу, Суду, Шексну, Кубенское озеро и р. Кубену) на Вагу и в Подвинье, на далекий север, протяну-

[1]) Рек с названием Ухтома, «Ухтомка» несколько. По актам князья Ухтомские приурачиваются к р. Ухтоме, притоку Согожи, в Пошехоньи. Но возможно предполагать их вотчины и на Ухтоме, впадающей в Белоозеро.

[2]) С. В. Рождественский, стр. 158—159.

лась цепь колонизационных княжеских заимок, простершихся по С. Двине до самого моря и даже до Терского его берега. Когда Москва окончательно стала торжествовать над своими соперниками и вратами (Тверью, Нижним, Рязанью) и обратилась в собирательный великорусский центр, она наложила свою владетельную руку на мелкие северные заимки ослабевших удельных князей и с необыкновенною быстротою стала обращать их в свою собственность.

Иногда это была «купля» (если старинный термин «купля» понимать в нашем современном смысле приобретения путем торга за деньги или иные ценности) [1]), иногда это имело форму добровольного присоединения удельного владетеля с его земельными владениями к Москве, как государственному и народному средоточию, иногда же присоединение было явно насильственным делом, даже не завоеванием после открытой и честной борьбы, а простым захватом по праву силы. Уже Ивану Калите приписывались обширные «купли» на Галиче и Белоозере и разного рода мелкие приобретения в Ростовском уделе, в Угличе, на Киржаче; в завещаниях же последующих московских князей мелькает масса «прикупов» и «купель» в северных районах Великорусья. О добровольных челобитьях удельных князей Волжских и Заволжских в службу Москве известия идут с первых же десятилетий московского возвышения. Уже на Куликовом поле в 1380 г. с татарами бьются «подручники» Московского князя, многие князья Бе-

[1]) В древне-русском языке это слово имело более широкое значение — покупки, торговли, места торга, товара, условия или договора, наконец, совокупления, соединения. И. И. Срезневский. «Материалы для словаря древне-русского языка».

лозерские, Кемские, Андомские, Ярославские и другие, пришедшие на Москву по приказу Дмитрия Донского, «крепцы суще и мужественны на брань, с воинством своим» [1]). Иногда добровольный и мирный приход в Москву удельных князей совершался на деле далеко не по доброй их воле и не по собственному почину, и присоединение к Москве вызывало горькие мысли и слова не только у присоединяемых, но и у сторонних зрителей. Несмотря на страх, внушаемый московской силой, и обожание, вызываемое успехами и подвигами собирателей Руси Московских князей, русские люди осмеливались осуждать их и отзываться с язвительной иронией, или даже с открытым негодованием на проявление московской жестокости и самовластия. В изученной А. А. Шахматовым Ермолинской летописи нашлись две поразительных статьи, ярко рисующие московские приемы «присоединения» и отношение к ним независимой земской совести. В этих статьях, говорит А. А. Шахматов [2]) «слышится голос современника о событиях, поразивших его своею жгучею действительностью; рассуждая о них, он раскрывает свою душу, прибегая при этом то к энергичному обличению, то к жестокой насмешке. Редко проскакивают подобные места в дошедшие до нас летописи: их стирала рука переписчиков, уже чуждых тех страстей, которые волновали современников; их умышленно изгоняли редакторы официальных сводов (летописных)». Первая из этих статей не

---

[1]) Полн. Собр. Р. Летописей, XI, стр. 52. Летописец перепутал имена некоторых князей, но участие в походе Донского его служилых князей, повидимому, достоверно.

[2]) А. А. Шахматов. «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод» (Известия Отд. Р. яз. и слов. Ак. Наук, т. VIII (1903 г. IV), стр. 80 и сл. (Отд. оттиск, стр. 9 и сл.) П. Собр. Р. Летоп., XXIII, стр. 157—158.

имеет прямого отношения к нашей теме: ее автор с чувством сильнейшего нравственного возмущения и протеста рассказывает о жестоких казнях за «измену», учиненных в 1462 году в Угличе по приказу великого князя Василия Темного над людьми заточенного там удельного князя. Зато вторая статья дает любопытнейшее описание способов, какими Москва при Иване III «мирно» приобретала Ярославские земли. С неподражаемой иронией летописец под 1463 г. сообщает, что в Ярославле явились чудотворцы «князь великий Федор Ростславович Смоленский и с детьми, со князем Константином и с Давидом, и почало от их гроба прощати (то-есть исцелять) множество людей бесчисленно». Однако, эти чудотворцы «явились не на добро всем князьям Ярославским», так как исцелили или освободили последних от их родового имущества: «простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их отчины (то-есть в воздаяние за нее) подавал им волости и села». Ядовито замечает летописец, что эта мена политической территории на мелкие частные земли произошла по ходатайству за Ярославских князей великокняжеского дьяка: «а из старых печаловался (то-есть заботился, просил) о них князю великому, старому (Василию Темному) Алексий Полуектович, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была». Так иронически внесена утрата княжеских земель в число чудес от новоявленных князей-чудотворцев. Но ирония этих слов (замечает А. А. Шахматов) глубже... Ермолинский список позволяет думать об ироническом отношении летописца и к самому чудесному явлению мощей Ярославских чудотворцев. Он говорит далее: «А после того в том же граде Ярославле явился новый чудотво-

рец Иван Огафонович, сущий созиратай (соглядатай, лазутчик) Ярославской земли: у кого село добро, ин отнял; а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя; а кто будет сам добр боярин или сын боярский, ин его самого записал. А иных его чудес множество не мощно исписати и исчести, понеже во плоти сущий дьявол» [1]). Горечь этого обличения так велика, что граничит с религиозным вольнодумством; тем изобразительнее обрисованы приемы «сущего дьявола» Ивана Агафоновича и его предшественника Алексея Полуектовича. Московские дьяки внедрились в чужое княжество его «созиратаями»; один заботился об уничтожении политической самостоятельности князей, при которых состоял, и довел дело до добровольной «мены» княжих земель и до подчинения их владельцев Московскому владыке; другой по мелочам подбирал в службу и казну великого князя людей и земли, не уступая никого и ничего, и «его чудес множество не мощно исписати и исчести». Оба действовали, так сказать, на законных основаниях, без грубых насилий, склоняя слабых к послушному подчинению силе и выдавая вынужденное послушание за добровольное согласие. Но бывали случаи, когда московские агенты не прикрывали своих действий мягкими формами «печалования» и внешне-правильной записи в службу, а считали возможным

---

[1]) Рассказ об ярославских чудотворцах-князьях и об Алексее Полуектовиче и Иване Агафоновиче был известен до открытия Ермолинской летописи из других летописей, но без конца (кончая именем Ивана Агафоновича без его «чудес») и потому Иван Агафонович слыл за местно чтимого святого, чудеса и подвиги которого неизвестны. Е. Е. Голубинский включил его в «список усопших на самом деле не почитаемых, но имена которых внесены в каталоги святых» («История канонизации святых в русской церкви», стр. 580 и 345).

действовать открытым «насилованием». В летописной повести о преподобном Сергие Радонежском [1]) находим яркую картину такого насилования. Преподобный Сергий был в свое время одним из влиятельнейших сторонников Москвы и много поработал для ее возвышения; однако, родители его от московских насилий убежали из Ростова в Радонеж, «быша пересельници на земли чужие» и на старости обнищали и оскудели. В детстве своем Сергий видел у родителей своих «худость и старость и во всем скудность и последнюю нищету» и сам «в посте и в труде жестокое житие живяше». Между тем, раньше в Ростове отец Сергия был «един от славных и нарочитых бояр, богатством многим изобилуя». Богатство его таяло от разных причин и прежде всего от татарских «частых тяжких даней и выходов»; но окончательное разорение наступило с подчинением Ростова Москве при великом князе Иване Калите. Когда «доста-ся княжение Ростовское к Москве», тогда у Ростовских князей отнята была «власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая, и потягну к Москве». Из Москвы был прислан в Ростов «воевода» Василий Кочева и с ним какой-то Мина; они возложили «велику нужу на прад», и не мало ростовцев москвичам «имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоризною взимающе и тщима рукама отхожаху». Мало того, что простые граждане были граблены и биты, Кочева даже самого «епарха градского (то-есть градоначальника) старейшего боярина Ростовского именем Аверкия» повесил вниз головой («стремглав»), прибил и покинул «поругана, точию жива». От таких бед «Ростовския ради нужа и насилования и злоб раз-

[1]) П. Собр. Р. Летописей, XI, стр. 127 и сл.

бегошася людие мнози». Так Москва подчиняла себе Ростов, еще не переставший быть столицей особого княжения, но лишь подпавший Московскому протекторату. Частные имущества переходили в Московские руки, подготовляя этим переход в Московское обладание и всего княжества.

Добром и злом, силою и ласкою, собирала Москва северную Русь. Она шла на север следом за слабыми удельными князьями, легко отбирая у них вотчины и самих князей властно «прибирая» на свою службу. Чем мельче и ничтожнее были эти князья, тем быстрее и легче можно было Москве отбирать земли, как от князей, так и от их подданных, не получавших защиты у своих «государей». Сталкиваясь на севере с Господином Великим Новгородом, Москва от него одного встречала сопротивление и порою даже должна была ему уступать. В 1397 году, по Новгородскому рассказу[1]), Московский великий князь Василий Дмитриевич послал «за Волок, на Двину» своих бояр, «ко всей Двинской свободе», предлагая двинянам: «чтобы есте задалися за князь великий, а от Новагорода бы есте отнялися». Москвичи обещали двинянам, «что князь великий хощет вас от Новагорода боронити, а за вас хощет стояти». Двиняне поверили, передались Москве, а Москва начала войну с Новгородом. На этот раз счастье изменило Москве. Новгородцы послали на Двину большие силы, прогнали оттуда московского наместника князя Федора Ростовского и подчинили себе отложившихся двинян. Они перенесли войну в северные Московские волости: «поидоша на великого князя волости на Белоозеро и взяша Белозерские волости на щит» ... и «Ку-

[1]) П. Собр. Р. Летописей, III, 98—100.

бенские волости поимаша и около Вологды воеваша и Устюг город повоевав и пожгоша; и стояша на Устюге четыре недели... и в то время воеваша волости князя великого, только за днище до Галича не доходиша». Москва, повидимому, не была готова к такому удару, и великий князь был вынужден помириться с Новгородом и оставить на время свои виды на Двину. Но прошло несколько десятилетий и внук Василия Димитриевича Иван III уже окончательно захватил у Новгорода и Двину и все его северные волости. В Поморьи не стало иного государя, кроме московского великого князя. Все заимки разных правительств и все инородческие земли на севере вошли в состав единого Великорусского государства и стали «вотчиной» великого государя «всея Руси». На него легла теперь забота о дальнейшем заселении Поморья и о преодолении еще неустраненных препятствий к свободному движению русского племени на дальний север и северо-восток.

3

Одновременно с княжеской политической колонизацией Заволочья и Поморья, шла колонизация народная, главными деятелями которой были инок, отшельник, желавший тишины и душевного спасения, и пахарь, искавший безопасности и пропитания. В наступательном движении на север неизвестно кому из них принадлежало первенство. Иноки искали для себя «пустыни»; они «безмолвия» ради уходили из заселенных мест в еще не заселенную глушь, но отправлялись они обычно из округи уже занятой и хозяйственно обжитой, представлявшей собою недавнюю ступень в общем ходе за-

селения данной области. В свою очередь «пустынь», основанная иноками в необитаемой глуши, непременно притягивала к себе население, как только бывала находима случайными «приходцами» в их поисках новых хозяйственных заимок. Взаимодействие монастыря и крестьянских деревень постоянно обнаруживается в бытовых рассказах (чаще всего в «житьях святых») и в деловых документах тої эпохи. При этом, взаимодействие не всегда бывало взаимным содействием. Случалось и так, что между монастырями и крестьянскими мирами происходила борьба за землю. Крестьяне нередко не допускали иноков в свое соседство, боясь, что иноки овладеют их землями. А монастыри иногда и на самом деле испрашивали у князей в свою собственность всю ту округу, где стал монастырь, со всеми деревнями и «со крстьяны». Так, цепляясь друг за друга в своем движении, две общественные силы обращали поле колонизации в арену классовой борьбы. При этом победа почти всегда склонялась на сторону иночества: монастыри успевали подобрать себе громадные пространства земель на севере и стали там крупнейшими и влиятельнейшими землевладельцами.

В «Курсе русской истории» В. О. Ключевского [1]) находим прекрасный и обстоятельный очерк распространения монастырей на русском севере и оценку последствий монастырской колонизации для государственного и общественного порядка. Автор замечает, что в XIII веке в северної Руси монастыри строились обычно в городах; «редко появлялась «пустынь», монастырек,

---

[1]) Часть II, лекции 34—36. Срвн. Н. Рожков. «Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в.» (1899), стр. 317 и сл.; Н. Коноплев. «Святые Вологодского края» (в Чтениях Моск. Общ. ист. и древн., 1895, кн. IV).

возникавший вдали от городов, в пустынной незаселенной местности, обыкновенно среди глухого леса». Из всего количества известных монастырей до конца XIII века (их более сотни) «таких пустынок не насчитаем и десятка». «Зато с XIV века движение в лесную пустынь развивается среди северного русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с новыми городскими (42 и 43), в XV веке превзошли их более, чем вдвое (57 и 27), в XVI веке — в полтора раза (51 и 35). Таким образом, в эти три века построено было в пределах Московской Руси, сколько известно, 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастырей».

Исключительно широкое и близкое знакомство В. О. Ключевского с рукописной литературой северно-русских житий святых [1]) дало ему возможность из мелких черт бытового материала в житиях составить яркую картину колонизационного движения иночества «в лесную глушь» русского севера. Пустынные «монастыри основывались людьми, которые, отрекшись от мира, уходили в пустыню, там становились руководителями собиравшегося к ним братства и сами вместе с ними изыскивали средства для построения и содержания монастыря». Иногда отшельником и основателем монастыря становился человек «прямо из мира, еще до пострижения» (Сергий Радонежский); «но большинство проходило иноческий искус в каком-либо монастыре,

---

[1]) См. его труд «Древне-русские жития святых, как исторические источники». М. 1871 («Я знаю до 250 агиографических произведений более, чем о 170 русских святых», говорит Ключевский в «Лекциях», ч. II, стр. 319).

обыкновенно также пустынном, и оттуда потом уходили для лесного уединения и создавали новые пустынные обители, являвшиеся как бы колониями старых. Три четверти пустынных монастырей XIV и XV вв. были такими колониями, образовались путем выселения их основателей из других монастырей, большею частью пустынных же». Некоторые из северных монастырей оказались особенно частыми и удачными основателями колоний. «Первое место между ними занимал монастырь Троицкий Сергиев, возникший в 40-х годах XIV века; преп. Сергий был великий устроитель монастырей». Его призывали строить монастыри в разные города; и сам он «пользовался всяким случаем завести обитель, где находил то нужным». Так, на дороге в Нижний - Новгород, «мимоходом, он нашел время в глуши Гороховского уезда, на болоте при р. Клязьме, устроить пустынку, воздвигнуть в ней храм Св. Троицы и поселить старцев (то-есть иноков) пустынных отшельников, а питались они лыками и сено по болоту косили». Из собственной Сергиевой обители в XIV веке «вышло 13 пустынных монастырей - колоний и 2 в XV». — «Потом ее ослабевшую деятельность в этом отношении продолжали ее колонии и колонии колоний, преимущественно монастырь преп. Кирилла Белозерского, вышедшего из основанного преп. Сергием подмосковного Симонова монастыря (в конце XIV века). Вообще впродолжение XIV и XV вв. из Сергиева монастыря или из его колоний образовалось 27 пустынных монастырей, не говоря о 8 городских».

Значение колонизационной деятельности этой группы монастырей определяется тем, что именно ею «намечены были главные направления монастырской колонизации» в XIV, XV и частью даже в XVI столетии. «Если

вы проведете (говорит В. О. Ключевский) от Троицкого Сергиева монастыря две линии, одну по р. Костроме на р. Вычегду, другую по р. Шексне на Белоозеро, этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIV века усиленно направлялась монастырская колонизация из монастырей центрального междуречья Оки — Волги и их колоний. Небольшие лесные речки, притоки Костромы, верхней Сухоны и Кубенского озера, Нурма, Обнора, Монза, Лежа с Комелой, Пельшма, Глушица, Кушта унизывались десятками монастырей, основатели которых выходили из Троицкой Сергиевой обители, из Ростова (св. Стефан Пермский), из монастырей Каменного на Кубенском озере и Кириллова Белозерского. Водораздел Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучим Комельским лесом, стал русской Заволжской Фиваидой. Но этим водоразделом не ограничилось монастырское движение. Оно шагнуло далее в Поморье «с Белоозера прямо на Соловецкий остров, сливаясь с боковым течением, шедшим туда же к Белому морю из Новгорода». С Белоозера же монастырская колонизация перешла в бассейн реки Онеги (монастыри Кенский и Ошевенский), а оттуда на Двину, где постриженник Кенской пустыни «основал среди озера на притоке Двины Сии Сийский монастырь». Одновременно с ним, в середине XVI века, возник еще севернее около Холмогор (в Чухченеме) монастырь Николаевский. Наконец, и на самом море появились в достаточном числе обители, из которых можно назвать монастыри Николаевский Корельский в Двинской губе, Кандалакшский при устьи р. Нивы, Усть-Кольский на устьи р. Колы, и всех севернее Печенгский на Мурмане. Так далеко завлекала безоружных иноков-колонистов жажда «найти себе и дать другим надежный приют для

строгой монашеской жизни и подвигов». Однако, высокий ценитель монашеских подвигов в древней Руси митрополит Макарий, давая общую историю монастырей в средней и северной полосе России [1]), не закрывает глаза на то, что рассеяние иночествующей братии по дебрям севера далеко не всегда имело своим началом ревность по вере и желание духовного подвига. Бродячесть иноков рождалась в общей наклонности населения к передвижению, в общем стихийном порыве, влекшем народные массы к освоению новых и новых пространств. Таков был дух века, и иночество подчинялось ему наравне со всеми. «Самая большая часть наших тогдашних обителей», говорит митрополит Макарий [2]): «были основаны едва ли не потому только, что устроять их было так легко и никому не возбранялось; едва ли не по одному увлечению основателей примером других, не по одному господствовавшему направлению в монашеском мире. Всякий инок, вскоре после своего пострижения, в каком-либо монастыре, уже начинал мечтать, как бы удалиться в пустынь, как удалялись другие, как бы основать свой новый небольшой монастырек или пустыньку... Случалось, что первый жар и увлечение проходили, и строители монастырей отправлялись скитаться по миру с иноками для собирания милостыни на свою обитель... а церкви, ими основанные, оставались пусты, без пения. Случалось, что подобные монастыри существовали год, два, три или закрывались со смертью своих основателей. Случалось, что иноки заботились об устроении себе отдель-

---

[1]) История русской церкви, т. VII, стр. 54 и сл. (изд. 1874 г.).

[2]) Любопытные подробности об этом у Н. Коноплева («Святые Вологодского края», стр. 124—130).

ных пустынь для того только, чтобы жить на своей воле, не подчиняться никаким монастырским правилам... Эта страсть наших черноризцев уходить в пустыни и открывать новые монастыри заметна была еще в монгольский период, но не доходила до крайностей, как теперь. И неудивительно, если даже поселяне и землевладельцы, при всем тогдашнем уважении к монашеству, не всегда дружелюбно относились к таким пустынникам, напротив, старались вытеснять, удалять их из своих мест, а иногда даже умерщвляли».

Случаи вражды поселян и иноков, как бы часто они ни происходили, не определяли собою общего отношения крестьянства и иночества в деле колонизации. В основе, по выражению В. О. Ключевского, «монах и крестьянин были попутчики, шедшие рядом, либо один впереди другого», и монастырская колонизация имела очень важное и полезное значение для колонизации крестьянской. «Во первых, лесной пустынный монастырь сам по себе, в своей тесной деревянной или каменной ограде, представлял земледельческое поселение», действие которого простиралось и на окружное население: «вокруг пустынного монастыря образовывались мирские, крестьянские селения, которые вместе с иноческою братиею составляли один приход, тянувший к монастырской церкви». Случалось, что «впоследствии монастырь исчезал, но крестьянский приход с монастырскою церковью оставался». «Во-вторых (продолжает В. О. Ключевский), куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское население... Не всегда можно указать, где которое из обоих движений шло впереди другого, где монахи влекли за собою крестьян, и где было наоборот; но очевидна связь между тем и другим движением. Значит, направления, по ко-

торым двигались пустынные монастыри, могут служить показателем тех неведомых путей, по которым расходилось крестьянское население». Соседство крестьян и монахов нередко выражалось в тесном их содружестве. «В житиях есть намеки на то, что отшельники, строя церкви и при них монастыри, нередко имели в виду доставить расходившимся по заволжским лесам переселенцам возможность помолиться, постричься и похорониться в недалеком храме с обителью». Так, Дионисий Глушицкий (на верхней Сухоне) строит в разных местах один храм за другим «на прихождение православному христианству», ибо, «не бяше тогда церкви на том месте», а деревни вокруг всё множились. Трогательную повесть о единении преп. Макария Желтоводского с окружавшими его мирянами находим в его житии. Начал он с того, что основал пустыньку около Решмы на Волге, где его хижина привлекала к себе мирское население. Конечного ради безмолвия он оставил эту свою обитель, ушел на левый берег Волги и поселился в «зело малой пещере», среди озер, на Желтых водах. И здесь нашел его народ: «к нему отовсюду стекахуся миряне множайшие», потому что «братолюбив бяше зело во общем жительстве». Даже окружающие новую обитель Макария черемисы относились к нему хорошо, так как видели «нестяжательное в пустыне его пребывание». Они приносили ему «яже на потребу», пшеницу и мед, и «славили» его, а он и этих «сарацин любезно приемаше и упокоиваше». Но не пощадили обители Макария татары, завоевавшие этот край (1439). Они разорили монастырь и его села, избили монахов и поселян, а остаток живых и в том числе самого Макария, взяли в плен. Однако, татарский воевода освободил старого настоятеля, отдал ему всех уце-

левших его людей, но с условием оставить Желтые Воды, «понеже (сказал он) земля та наша есть, Казанскому царству прилежающая». Макарий увел остаток своей паствы, иноков и мирян с семьями, на север, в область Галича. Дойдя до реки Унжи, они осели в бывшем там городке; но сам Макарий снова отделился от спасенных им сожителей. Он в третий раз отыскал себе «место достойно молчания» и построил хижину в 15 верстах от города. Здесь прожил он еще пять лет, не оставляя своими заботами близких ему горожан; среди них он и скончался (1444 г.), завещав похоронить себя «в пустыни его, идеже житие имяше». И пустынь почитаемого отшельника вскоре разрослась в значительный Макарьев - Унженский монастырь.

4

Итак, по замечанию В. О. Ключевского, направления, по которым двигалась монастырская колонизация на север, могут служить «показателем тех неведомых путей», «по которым расходилось крестьянское население» в его стихийном движении на север и северо - восток. В древнем Владимиро-Суздальском (потом Московском) великом княжестве наиболее северными областями были Ярославское и Костромское княжества. Русское население в них сидело иссстари, с тех пор, как Русь вообще стала оседать на верхней и средней Волге. В Заволжских частях Ярославского княжества по рекам Шексне и Мологе уже в XIII—XIV вв. были свои особые князья Моложские, Белозерские, Шехонские. Главным образом в XIII в. в бассейне реки Костромы уже существовало особое Галичское удельное княжество.

Но, составляя исконные части Владимирского княжества и имея старинное русское население, эти заволжские области представили собою первые на севере пространства, куда начали вливаться народные массы, поднятые с юга татарскими погромами. Они стали здесь первыми колониями для Владимиро - Суздальской метрополии, как первою колониею для нее на востоке стала Нижегородская окраина до Курмыша на реке Суре. Обстоятельства сложились так, что из этого Заволжского пространства между рр. Шексною и Унжею дальнейший выход был затруднен. На западе лежали новгородские погосты, откуда шла на северо - восток своя волна колонизации. На севере, на волоках между Волжскими притоками и Поморскими реками (главным образом, Сухоною), залегли громадные леса, сами по себе представлявшие трудно одолимую преграду; а за ними были «волости Новогородские», куда Господин Великий Новгород норовил не пускать низовских людей. За окрестности Вологды и за берега Сухоны шла долго глухая постоянная борьба между Новгородской и Низовской властью, Новгородской и Ростовской церковью, Новгородским и Суздальским населением [1]). С большим трудом и длительными усилиями южные «приходцы» пробились на Сухону и отодвинули новгородскую границу с водораздела Кострома - Сухона на водораздел Сухона - Вага, переведя этим самым Вологду, Тотьму и Устюг в сферу Низовского влияния (позднее — под московскую власть). В этой долгой борь-

---

[1]) А. О. Экземплярский. «Великие и удельные князья Сев. Руси», II, 366—368; И. Покровский. «Русские епархии в XVI—XIX вв.», стр. 103 и сл. 114 и сл.; Д. К. Зеленин. «Великорусские говоры», стр. 436 и след.

бе за волоки пустынным монастырям достались большие труды и весьма важное значение передовых бойцов южной колонизации.

Если выход в Заволочье и Поморье сопряжен был с разного рода трудностями и требовал борьбы, то и движение на восток, через р. Унжу, было надолго затруднено, даже можно сказать, вовсе остановлено. В лесах между Унжею и Ветлугою (так хорошо описанных П. И. Мельниковым) в XIV веке сидели черемисы, сдвинутые туда с юга мордвою. Все попытки русских от Галича и Костромы продвинуться к Ветлуге через Унжу встречали отпор со стороны этой народности. Когда же в XV веке черемисы подчинились казанским татарам, дело для русских стало, пожалуй, еще хуже: черемисы сделались активнее, и в Унженских (или «Унежских») лесах «бесперестани жила черемисская война». Разбои черемис на рубежах и набеги их на Галицкие места и на волоки к Сухоне стали обычными и угнетали русское население. Необходимы были крутые и крупные меры, чтобы добиться спокойствия и безопасности, и они принимались. В 1468 г. большая рать великого князя Ивана Васильевича опустошила всю Черемисскую землю. На Николин день (6 декабря 1467 г.) в «студеную зиму» воеводы московские собрались в Галиче и пошли на черемис лесами «без пути». На Крещение (6 января 1468 г.) пришли они в землю Черемисскую и прошли ее всю: «до Казани за один день не доходили». Летопись резкими чертами рисует разорение черемис: «много зла учиниша земле той: людей иссекоша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша; а кони их и всякую животину, чего нельзя с собою имати, то все иссекоша; а что было живота их, то все изяша; и

повоеваша всю землю ту, а досталь пожгоша»[1]). Позже, с подчинением Казани (1552 г.), Москва систематически повела покорение и замирение Черемисской земли между рр. Волгой и Вяткой. «В Черемисской стороне было сооружено несколько крепостей: Козмодемьянск, Цивильск, Кокшайск, Санчурск, Уржум. Главные водные пути страны — Ветлуга, Кокшага и Цивиль — были теперь заперты»[2]). Черемисы были усмирены, и через их землю прошел новый путь от Нижнего через Яранск на Урал и в Сибирь. С этих пор преграда для русского населения за Унжею перестала существовать, и открылась дорога с Унжи на Вятку через город Котельнич.

В такой обстановке, местности по р. Костроме и на холмистом плоскогорьи вокруг озер Галицкого и Чухломского оказались весьма заселенными. Колонизация приводила сюда народные массы в общем их движении с юга на север и северо-восток; волна за волною вливались они в этот край, не имевший до времени свободного выхода, и оседали в нем, уплотняясь всё более и более. Всё плоскогорье было заселено и распахано уже в XV веке, и Галицкие князья получили в свое распоряжение большие хозяйственные средства. Людный и богатый удел дал возможность князю Юрию Дмитриевичу и его сыновьям, Косому и Шемяке, начать и долго выдерживать борьбу с московским князем, Василием Темным за великое княжение. Когда в 1425 г., в самом начале этой борьбы, московский митрополит Фотий поехал к Юрию в Галич «о миру», чтобы склонить его к соглашению и покорности, Юрий устроил ему тор-

---

[1]) Полн. Собр. Р. Летопис., XII, стр. 118—119.
[2]) И. Н. Смирнов. «Черемисы» (1889), стр. 35 и сл.; Платонов. «Очерки по истории смуты», глава 1-ая, VI.

жественную встречу и показал ему свою силу: «собра всю отчину свою и срете его с детьми своими и с боярры и с лучшими людьми своими; а чернь всю собрав из градов своих и властей, и из сел и из деревень, и бысть их многое множество, и постави их по горе от града, с приезда митрополича, сказывая и являя ему многих людей своих». Митрополит был удивлен многолюдством и понял, что это своего рода политический ход против него и против Москвы. Он не скрыл своего удивления и сказал: «сыне князь Юрьи, не видах столько народа во овчиих шерстях» («вси бо бяху в сермягах», поясняет летописец)[1]. Летописное сказание о Галицком многолюдстве можно подтвердить и точными данными, правда позднейшими: по официальному подсчету второй половины XVII века, уезды Костромской и Галицкой оказались в числе наиболее богатых по населению во всем государстве. Костромской занимал даже первое место (40.122 двора), а Галицкий — пятое (31.204 двора) из 128 сочтенных уездов Европейской России[2]. Понятно, что когда с переходом Поморья и Поволжья в московские руки уничтожены были препятствия к выходу на север и восток из Костромских и Галицких мест и из Ярославского Заволжья, то скопившееся здесь население с особою энергиею пошло на новые места.

Вопрос о том, как далеко на север проникло в Вологодском крае колонизационное течение с юга, с Волги,

---

[1]) П. Собр. Р. Летоп., XII, стр. 2; VIII, стр. 92.

[2]) «Описание документов и бумаг Моск. Арх. М. Юстиции», IV. Н. Н. Оглобин. («Обозрение историко-географ. материалов», стр. 404—405, 488—489).

вызвал несколько исследований[1]). В их результате можно сказать, на основании исторических и лингвистических наблюдений, что границей между Новгородским и Суздальско-Московским течениями колонизации может служить линия Белозерск — В. Устюг. Конечно, это лишь приблизительное определение: спорным остается вопрос, например, о верховьях Волги, где среди Новгородской стихии известна группа селений с именем «Ростовщины», о районе рек Суры и Чагодощи и о самом Устюге, первоначальное население которого не может быть точно определено. Справедливо то мнение, что на значительных путях и в торгово-промышленных пунктах население всегда смешанное и что пришлое население «не засиживалось долго на одном месте, а шло дальше частью в своем естественном движении с подсеки на подсеку, частью же в одном стремлении к лучшему» (слова Д. К. Зеленина). Попадая с юга на Сухону, пришельцы двигались по ее течению и, следуя природному расположению путей, выходили на С. Двину; но, встречая там Новгородскую струю колонизации, они не шли далее на север, на низовья Двины и на Вычегду, а попадали на рр. Юг и Молому — в Вятскую землю. Вот почему (заключает Д. К. Зеленин) «теперешнее население Вятки гораздо ближе к ростовцам, чем к новгородцам».

Данные языка и истории, повидимому, ведут к одному и тому же заключению, что первоначальное засе-

[1]) О них у Д. К. Зеленина, «Великорусские говоры», § 163; Н. Рожков («Сельское хозяйство Моск. Руси», стр. 317—332) посвящает этому вопросу большое внимание.

ление Вятской земли русскими поселенцами совершалось с севера, но что в этом заселении приходцы с юга играли не меньшую роль, чем колонизовавшие Подвинье новгородцы. Путь на Вятку русских людей, наиболее доступный, в древности, был один: с С. Двины и Сухоны на р. Юг, а с р. Юга или на р. Мологу и Вятку, или же на р. Лузу, приток р. Юга, и р. Летку (Ледьку), приток Вятки. Это и был путь с севера. Пути же на Вятку с запада и юга были для русских недоступны, они были плотно забиты инородцами, и открылись только с покорением Казанского царства (1552) и построением города Яранска (1584), через который прошла новая дорога на Вятку и Пермь из Нижегородских мест. Когда именно русские стали пользоваться северным путем на Вятку, точно неизвестно. Пресловутая «повесть о граде Вятке» с ее известием, что «новгородцы-самовластцы» в XII веке основали г. Хлынов на р. Вятке и в нем «законы и обычаи новгородские имяху на лета многа», — эта повесть всеми теперь признается баснею XVII века. Мнение, что Вятка стала русскою колонией уже в XII столетии, поддерживается, повидимому, одним А. И. Соболевским, который первых русских насельников на Вятку ведет из Белозерской области [1]). Исторически известно только то, что, начиная с XIV века, когда участились набеги новгородских ушкуйников (речных пиратов) на Волгу, местом их подвигов стала и Вятская земля. Ушкуйники побывали на Волге в 1366, 1371, 1374, 1375, 1391 гг. [2]). В 1374 г. они появились на Вятке, по всем вероятиям, с севера, «пограбиша Вятку», и пошли «на

---

[1]) «Русск. Филол. Вестник», 1906, № 1—2.
[2]) П. Сборн. Р. Лет. VIII, стр. 13—14, 18, 21, 23, 24, 61; XI, стр. 6, 15, 20, 23—24, 126.

низ Вяткой» в 90 ушкуях. После грабежей на Волге и Суре они сожгли свои ушкуи и «сами поидоша к Вятке на конех», по пути ограбив села на р. Ветлуге. В 1391 г. набег повторился: ушкуйники появились на Вятке с севера, пошли «рекою Вяткою на низ», пограбили Казанские места и «тако возвратишася во свояси со многою корыстию и богатством». Есть мнение, что и все вообще свои набеги на Волгу ушкуйники предпринимали с севера «через Каму, куда они научились проникать по р. Вятке» [1]). Но если держаться этого мнения, всё же нельзя считать разбойничьи шайки за колонизаторов края, как бы часто они ни появлялись на Вятке и как бы долго ни задерживались среди местного вотяцкого населения. Это был бродячий люд, имевший в виду возвратиться «с добычею» «во свояси». «Первая серьезная попытка русской колонизации Вятского края», говорит А. А. Спицын: «была сделана, можно думать только в начале XV века, именно Суздальским князем Семеном Дмитриевичем». Неудачливый противник Московских князей, он попал в руки московского великого князя Василья Дмитриевича и «покорися» ему на всей воле его. Великий князь «пожаловал» его и, не возвратив ему его вотчины, Нижегородского княжения, отправил его с семьею на Вятку, вероятно, как на удел. Но князь Семен Дмитриевич прожил на Вятке всего с полгода и скончался, не успев устроить своего удела; а после его смерти Вятская область вошла прочно в состав московских владений и перешла в собственность Галицких князей. В последовавшей затем борьбе Галицких князей с Москвою, Вятка играла заметную роль; по договору Василия Темного с Дмитрием

---

[1]) А. А. Спицын. «Древнейшая судьба Вятской области».

Шемякою в 1448 г. она отошла к Василию Темному и стала волостью великого князя Московского. Долгая смута между московскими князьями, а затем борьба Москвы с Новгородом и казанскими татарами помешали Москве установить на Вятке прочный порядок. Во второй половине XV века «вятчане» (под которыми надо разуметь всё вообще население Вятской области, и русское и инородческое) проявили большую склонность к своеволию и разбойным набегам. Они не повиновались московским властям, имели у себя каких-то «воевод земьских» и «с поганством соединяющеся» (то-есть с некрещеными инородцами) грабили Сысолу, Вымь и Вычегду (зырян). Увещания из Москвы не помогли [1]); в 1458 и 1459 гг. последовала репрессия. Московские воеводы пришли на Вятку с большою ратью, взяли города Котельнич и Орлов и осадили Хлынов. Вятчане смирились, но в последующее время (1466 г.) стали опять разбойничать на С. Двине, а затем сделали было попытку вовсе отложиться от Москвы. В 1486 г. они, «отступив» от великого князя, пришли ратью на Устюг. То же повторилось и в следующие годы, так что в 1488 г. даже особые воеводы великого князя «берегли земли Устюжские от вятчан». Москва решилась покончить с Вяткою и учинила ее разгром в 1489 г. Войска великого князя пришли в Вятскую землю разными путями. Конная рать от Москвы пришла к Котельничу, вероятно, со стороны Ветлуги; судовая рать с С. Двины приплыла туда же по Моломе, и, наконец, туда же подошел и вспомогательный отряд татарской конницы от Казани. Под начальством знаменитого воеводы князя Данила Щеняти рать великого князя от

[1]) Акт Ист., I, № 261.

Котельнича выступила на г. Хлынов и осадила его. После упорной защиты город сдался, и вятчане выдали своих вождей. Описав падение Вятки, летописец говорит: «а на Семень день Летопроводца лета 6998 (то-есть 1 сентября 1489 года) воеводы великого князя Вятку всю развели и отпустили их (вятчан) к Москве мимо Устюг и с женами и с детьми». В Москве вятских вожаков повесили, а прочих пощадили: великий князь «иных вятчан пожалова», дал им «поместья в Боровску и в Алексине, в Кременце, и писалися вятчане в слуги великому князю» [1]). Другой летописец прибавляет, что вывели из Вятской земли «вятчан больших людей», и из числа их великий князь» «земьских людей» посадил в Боровске и в Кременце, а «торговых людей вятчан в Дмитрове посадил»; «арских же людей» (то-есть инородцев) «пожаловал князь великий отпустил в свою землю» [2]).

Приведенные подробности очень любопытны: они рисуют обычную в истории образования Московского государства картину «вывода», с помощью которого Москва ассимилировала подчиняемые ею земли. «Вывод» состоял в том, что в момент завоевания или усмирения той или иной области, московский государь, не довольствуясь наказанием зачинщиков и вожаков движения против Москвы, брал с места и выселял все руководящие группы местного населения, уничтожал местный господствующий класс и заменял его переселенцами из надежных Московских волостей. В 1478 г., при окончательном подчинении Новгорода Иваном III, новгородцы более всего боялись «вывода» и добились было

---

[1]) «Летописец (Архангелогородский)». М. 1819, стр. 195—198.

[2]) П. Собр. Р. Лет., XII, стр. 221.

у великого князя обещания, что вывода не будет из Новгородской земли. Однако, при первой же попытке новгородцев восстать, вывод в последующие годы был к ним применен, и, по словам летописи, за один только раз в 1488 г. «привели из Новгорода более семи тысяч житьих людей на Москву». Тот же прием видим однократно и на Вятке, когда «воеводы великого князя Вятку всю развели». Из каких бы племенных элементов ни составилось русское население Вятки ко времени «развода» или «вывода», всё равно, эти элементы были водворены в Боровск, Алексин, Дмитров, а на Вятку пошли новые волны приходцев, приливавших туда как северным путем, с Сухоны, так и южным — из Нижегородского края. В эту позднейшую пору заселения Вятки присутствие на Вятке северных приходцев (устюжан, двинян, важан, вычегжан) бесспорно, но так же бесспорно и присутствие колонистов с Волги и вообще с юга (ярославцев, ветлужан, переяславцев). Документы XVI—XVII вв. рисуют большую этнографическую пестроту в Вятской области, тем более заметную, что общее количество русского населения в четырех Вятских уездах (Хлыновском, Орловском и Котельническом) было очень невелико. В пору уже значительной своей заселенности, в средине и исходе XVII века, Вятская земля заключала в себе всего 10—12 тысяч дворов, русских и инородческих. Политические события XVI века — завоевание Казани и Сибирского Кучюмова царства — произвели глубокий переворот в судьбе Вятского края и в процессе его заселения. До этих пор положение Вятки между Подвинье́м и Казанским царством делало Вятские места удобною базою для военных действий как против Поморья, так и против Казани. Присоединение Казани и инородческих областей

по средней Волге к Московскому государству связало вятскую землю с Нижегородским краем и Москвою (через Яранск); а завоевание Сибири поставило Вятку на пути между Московским центром и вновь приобретенною окраиною. Значение Вятки с этим изменилось. Ранее о Вятке летопись сообщала в связи с военными операциями Москвы против Казани и «луговых» черемис или в связи с походами вятчан на север. Позднее документы говорят о Вятке в связи с усилиями Москвы укрепить за собою Сибирское царство. В этих Зауральских колонизационных мероприятиях Москвы Вятка должна была принять свою долю, и притом большую долю участия, о чем будет еще речь ниже.

Многое из сказанного о Вятке может быть применено и к Пермскому краю, то-есть к тому пространству земли, которое лежало по р. Каме, от р. Чусовой на север, и по ее притоку Вишере с р. Колвою. Этот край прикрывал с востока вятские места и всё вообще Поморье от татар, вогуличей и остяков. Как Вятка, Пермь получила первых русских насельников из Великого Новгорода, и, как на Вятке, новгородскую колонизацию здесь осложнило движение из Московской Руси, шедшее (не позднее XV века) по рр. Вычегде, Югу и Лузе на верховье Камы, а затем (со второй половины XVI века) и прямым южным путем через Яранск и Вятские места. Наконец, как на Вятке, в Перми довольно призрачная новгородская власть с XV века смешалась с более твердою московскою. Наивиднейшими представителями Новгородской колонизации в Перми были известные Строгановы — семья, повидимому, новгородского происхождения, владевшая обширными вотчинами в Устюжском уезде и по р. Вычегде. Торгуя с инородцами и вываривая соль, Строгановы достигли громад-

ного богатства. В числе немногих уцелевших, при московском завоевании севера, новгородских фамилий, они продолжали богатеть и распространили свои хозяйственные заимки с р. Вычегды на р. Каму и р. Чусовую. Представляя собою главную экономическую силу на всей этой окрайне, Строгановы обратили на себя милостивое внимание московского правительства. Оно дало Строгановым в XVI веке (начиная с 1558 г.) ряд жалованных грамот, которыми создало для этих землевладельцев исключительно льготное положение на Каме и в Приуралье, но вместе с тем и возложило на них особые обязанности по охране и защите края от инородцев. Строгановы получили право поставить «собою», то-есть на свои средства, укрепленные городки с гарнизонами и под их защитою вести свои промыслы и торги. Население их земель состояло в их юрисдикции и было из'ято из ведения местной администрации. Сами Строгановы подлежали суду только самого государя московского и были освобождены на длительный срок от податей, повинностей и торговых пошлин. Но зато они должны были «прибрать» на собственный счет в своих городках воинскую силу, «охочих людей, стрельцов и казаков», и с нею охранять земли и «войною ходити и воевать» черемису, остяков, вотяков и ногай, которые государю изменили. Постепенно земли Строгановых перешли за Уральский хребет до р. Тобола и поставили их в соприкосновение с Сибирским ханством, завоевание которого и связалось с именем Строгановых [1]).

---

[1]) По истории Строгановых данные сведены всего доступнее у Д. И. Иловайского. «История России», т. III (М. 1890), прим. 68. См. также А. А. Дмитриева. «Пермская Старина», выпуски I, IV и V. Новые тру-

Вместе с государевыми воеводами и наместниками, сидевшими в городах Чердыни и Соликамске, Строгановы, содержавшие на свой кошт городки Орел (Кергедан) и Канкор, несли на себе нелегкую обязанность защиты не только своих вотчин, но и всего Пермского края. По обстоятельствам эта защита должна была быть активною: приходилось не только отсиживаться от нападений инородцев за стенами городков, но и самим нападать на немирных соседей и держать их в должном страхе и подчинении. Для того, чтобы «ходити войною» против своих и государевых врагов, Строгановы не могли обойтись силами местного населения. Они нанимали на свою службу бродячих «вольных» казаков, следуя в этом примеру самого московского правительства. Недостаток регулярных войск оно пополняло вербовкою с Дона и Волги казачьих отрядов, которые и вливались в действующие войска. Для отражения татар от московского центра в 1572 г. в «большом полку» в Серпухове состоял, например, «прибранный» на государеву службу казачий отряд атамана Мишки Черкашенина; но там же был присланный Строгановыми состоящий у них на службе отряд в 1.000 казаков с пищалями. Во время Ливонской войны Грозного в Прибалтийском крае действовал казачий отряд атамана Ермака, а позднее тот же Ермак с государевой службы попал на службу к Строгановым и прославил себя завоеванием Сибири [1]). Таким образом, вотчины Строгановых вместе с Чердынским уездом послужили

ды: В. И. Огородников. «Очерк истории Сибири до начала XIX стол.». Ч. I. Иркутск 1920, стр. 217—234. А. А. Введенский. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве (в «Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб. 1922).

[2]) Об этом ниже следует особая глава.

для московской власти базою в наступлении за Урал в область рр. Тобола и Иртыша, а частные средства богатой промышленной семьи были обращены на достижение государственных целей, совершенно так же, как на далеком северо-западе, в Поморьи, частными средствами богатого Соловецкого монастыря обеспечена была охрана границы и побережья Белого моря от вражеских покушений с запада, со стороны Финляндии.

Если до завоевания Сибирского царства заселение Пермского края велось по преимуществу из Поморья, с севера, то с этим завоеванием на Пермь обратилось усиленное внимание Московского центра, и началась оттуда народная тяга в Сибирь через Пермь по различным путям, туда ведшим. Первые мирные русские колонисты Сибири пошли из Пермского и Вологодского края; но за ними потянулись и «акальщики» южно-великоруссы, частью переходившие за Урал, частью же остававшиеся в Пермских местах [1]). Их влекла из центра или правительственная власть, желавшая скорейшего освоения Сибири, или же помещичья власть, искавшая на юге рабочих рук для первых промышленных предприятий в горах Урала. Население в Пермь и на Урал в древности и до XVIII в. двигалось, главным образом, четырьмя маршрутами: а) с р. Вычегды на р. Нем, волоком на оз. Чусовское, рр. Колву и Вишеру; б) с р. Сухоны на рр. Юг и Лузу, волоками на г. Кай на р. Каме; в) с устья р. Ветлуги на Царевосанчурск, Яранск и р. Вятку, а оттуда на г. Кай и Каму и г) от Казани на г. Уржум, р. Вятку и Кай [2]). Два первые

---

[1]) Д. К. Зеленин. «Великорусские говоры», стр. 520 и след.

[2]) Это главнейшие пути — было несколько и второстепенных.

пути вели в Пермь из Поморья, второе — из Поволжья. В XVII веке через Пермскую землю, от г. Кая до Соликамска и Чердыни, пролегала торная государева дорога в Сибирь, и по ней шло оживленное движение людей и грузов, потребных для новоустроенных Сибирских городов. Правительство с особым вниманием стало относиться к сибирским делам и для закрепления за Москвою новоприобретенного края требовало с Вятки и Перми присылки в сибирские города хлеба, разного рода припасов и рабочих людей. В этих условиях через Пермские места потянулись бесконечные обозы с казенными грузами и вереницы людей, посылаемых на восток для постоянного житья и для временных работ. Вся Пермь начала работать на Сибирь разными способами: сбором денег, хлеба и подвод, возкою хлеба, железных грузов и всякой иной клади, перевозкою служилых людей и переселенцев. Всё это вызывало чрезвычайное напряжение сил у местного населения, и оно само по себе не могло выполнить всех правительственных требований. Поэтому правительство озабочено было привлечением населения как в самую Сибирь, так и в те области, которые служили базою для овладения Сибирью, то-есть на Вятку, а главное — в Пермь. В Пермские места собирали население и Строгановы. С каким успехом накоплялось здесь население, всего удобнее проследить именно по данным Строгановских вотчин. В 1579 г. в них числилось 352 двора, в 1632—1634 гг. — 1.032 двора, в 1647 г. — 1.602 двора и в 1678 г. — 2.855 дворов [1]). Правда, за это время росло и самое пространство колонизуемых Стро-

[1]) А. А. Дмитриев. «Пермская старина», II, стр. 99; 171; срвн. 188—189.

тановыми земель; но приобретались ими пустующие вотчины и заселялись они, главным образом, «приходцами», а потому приведенные нами цифры дворов весьма показательны для роста колонизационной энергии в крае.

До сих пор мы собирали черты для общей картины первоначального заселения русского севера и освоения его Великорусским государством. В составе этого государства Поморье сразу стало одною из важнейших экономических областей — по обилию тех естественных богатств, какими наделила его природа, и по тем удобствам хозяйственной жизни, каких не знал московский центр и государственные окраины. В центре и по границам западным и южным народный труд подвергался частой опасности вражеского нашествия. Население пограничных и центральных областей не только было обременено постоянными военными повинностями для защиты страны, но оно стало военным и по самой своей внутренней организации. Необходимость сражаться на три фронта, с «немцами», «литвой» и татарами, заставила правительство создать значительное войско, которое было бы всегда готово к действию. Десятки тысяч «детей боярских великого князя» были размещены на государевых землях — «поместьях» по границам и в тылу пограничных позиций, в Замосковьи. Весь запас личных великокняжеских и крестьянских земель, за немногими исключениями, был пущен «в раздачу» служилым людям для их обеспечения, чтобы с этих земель они могли поспевать на государеву службу по первому зову. Земля должна была кормить войско

прикрепленным к ней трудом земледельческого крестьянского населения, и всякий «сын боярский» вместе с государевым поместьем получал право на даровой крестьянский труд. Для обороны государства все служили: одни — «своими головами», «копьем и мечом»; другие — обязательным трудом в пользу служащих «головой». Так, война и оборона тяготели над всем населением центра и окраин, внедряя в общественную жизнь начало «крепости» — или служебной перед государством, или трудовой перед помещиком.

Этого тяжелого условия московской общественности север не знал, по крайней мере в тех острых формах, какие наблюдаются в центре. Мелкое поместье на севере, в области Беломорских рек, вовсе не существовало. Оно не переходило за волоки от Волжских притоков нигде, кроме разве окрестностей Вологды и Белого озера; но и там поместные земли не становились господствующим видом землевладения. Над крестьянским населением обычно не было власти мелкого землевладельца. Служилый вотчинник или помещик не был надобен на севере с его службою, дорого обходившеюся государству. Слишком много стоило бы правительству содержание помещика и его конной дворни в крае неплодородном, где полевая конница не была пригодна, потому что враг или приходил на ладьях по морю и рекам, как «свейские» и «каянские» немцы, или же держался в лесах и топях, пустоша страну «изгоном», набегами, как делали инородцы на востоке. Крупные же землевладельцы на севере, монастыри, — при всем развитии их земельных стяжаний — успели овладеть лишь ничтожным сравнительно количеством крестьянских волостей и не разрушали в этих волостях «мирского» устройства. На монастырских землях, как бы

ни была велика зависимость земледельца от монастыря, крестьянин чувствовал государево тягло, которое падало на его крестьянский мир и давало этому миру внутреннюю организацию. На громадном же большинстве поморских земель их действительным хозяином со всеми чертами собственника был крестьянин, владевший «своими деревнями» на «государевой земле», образовавший своеобразную податную общину в государстве и своеобразный «погост» — приход в церкви. Свободный ото всяких частных воздействий и зависимости на черных (государственных) и дворцовых землях, крестьянский «мир» жил и работал с полною самостоятельностью «в государевой вотчине, а в своем посельи». В недрах этого «мира» не всё было ладно и приглядно; но главное условие общественного благополучия — свобода труда и почина — там было налицо. И историк может удостоверить, что в системе московского правительственного хозяйства Поморье было главнейшею доходнейшею статьею, источником разнообразных поступлений, денежных и натуральных. Когда во второй половине XVI столетия московский центр стал жертвою жестокого экономического кризиса, подвергся хозяйственному запустению и обезлюдел, вследствие усиленного выселения трудовых масс, Поморье удержалось на прежней степени хозяйственного расцвета. Мало того, именно в эту пору, в середине XVI века в жизни Поморья произошло крупнейшее событие, послужившее причиною еще большего оживления русского севера.

Этим событием было появление торговых иноземцев в русских северных гаванях — Печенге, Коле и Двинском устьи, и начало морского торга русских с англичанами и голландцами. До середины XVI века русский

отпуск за границу шел через Новгород и Псков и «немецкие» гавани Балтийского моря. С началом Ливонской войны Грозного дело изменилось. Когда Грозный овладел Нарвою (1558 г.), у него мелькнула было надежда с приобретением этой гавани упрочиться на Балтике и завязать непосредственные сношения с Западом, независимо от Швеции и Ливонии. Но неудачный ход войны не позволил осуществиться надеждам Грозного. В 1581 г. была потеряна Нарва, а через два года Москва потеряла и все Финское побережье. Вся западная граница государства была заперта для русских купцов, и торговое общение с Балтикой стало под недружелюбный контроль враждебных соседей. Да и в течение всего боевого периода (1558—1583), если не считать торгового оборота Нарвской гавани, Москва не могла торговать через свою западную окраину, на которой шли военные действия. Вот почему появление на севере торговых судов, голландских и датских в Печенге и Коле и английских в устьях С. Двины, было для Москвы очень важно и приятно. С 60-х годов XVI века торг на севере достиг значительного оживления. Русские промышленники ходили в норвежские гавани; так, в Вардегусе побывал Печенгский игумен Трифон с монахами его монастыря для торга рыбой, рыбьим жиром и другими товарами. В Печенгу и Колу в свою очередь приходили норвежцы, датчане и всего чаще голландцы. Торговый агент Антверпенской компании Симон фон-Салинген, вместе с членом этой компании Корнелиусом де-Мейером, предприняли даже поездку внутрь Московского государства. Они отправились в самую Москву безо всякого разрешения со стороны властей. Из Москвы им удалось проехать в Новгород. Мейер оттуда поехал в Нарву, а Салинген остался в Новгороде, торговал

там жемчугом и драгоценностями и благополучно вернулся в Колу на свой корабль [1]). Эта любопытная частность показывает, как быстро иностранцы освоились с новою для них страной и как мало в сущности было препятствий для передвижения по огромным пространствам Московского государства. Одинаково и англичане, попав в Двинское устье и на Холмогоры, с чрезвычайной быстротой освоились с новой бытовой обстановкой. Они не только легко достигали самой Москвы, куда их приглашало правительство, но распространились по всему северу, исследуя берега Белого моря и океана и главнейшие пункты народно-хозяйственной жизни [2]). Пользуясь разрешением Грозного заводить свои дворы в городах, лежащих на торговых путях, англичане построили себе конторы, склады и жилища на Холмогорах, в Вологде и Ярославле; на Вычегде они основали железоделательный завод; в Москве на улице Варварке имели свою усадьбу. Они исследовали все сколько-нибудь важные пути на севере, проникли на Мезень и Печору, осмотрели дорогу от устья р. Сев. Двины до Новгорода и Нарвы через рр. Выг и Свирь. Словом, они обжились на русском севере очень скоро и к началу XVII века стали даже господствовать над всем торговым оборотом северной Руси, держа в своих руках важнейшие рынки и возбуждая против себя живейшее неудовольствие их конкурентов, голландских купцов и русских торговцев. Впрочем, недовольство голландцев не имело серьезных оснований, так как и они пользова-

---

[1]) «Сборник Русск. Истор. Общества», т. 116, стр. XXIII и сл.; «Литературный Вестник», 1901, I, кн. 3, стр. 297-305.

[2]) Гамель. «Англичане в России в XVI и XVII ст.»; Инна Любименко. «История торгов. сношений России с Англией», вып. I. Юрьев. 1912, главы III и IV.

лись правом приезда не только в Колу и Архангельск, но и в прочие города, и могли сами строить дворы на Холмогорах и в Москве. Видя их энергию и подвижность, англичане склонны были думать, что голландцы победят их на московской почве, и горько жаловались на их пронырство. Английский посол в 1617 г. указывал боярам, что английские купцы в Москве в розницу не торгуют и не отнимают промысла у русских купцов, тогда как голландцы не только сами продают товары в розницу, но и посылают их «мелким обычаем» по всему Московскому государству и тем у русских купцов «хлеб изо рта вырывают». Как бы то ни было, обе нации пустили на московской почве глубокие и раскидистые корни и создали на русском севере оживленное торговое движение. В отношении заграничного торга Русь, если можно так выразиться, обратилась в XVI веке лицом к северу, к «божьей дороге» — великому морю-океану. Отторгнутая от Балтийских берегов, она радовалась, что ее северные берега свободны: «и которую дорогу бог устроил, великое море-океан, и тое дорогу как мочно затворить», говорили русские люди. Однако, осмотревшись в новых условиях заморских сношений, они кое-что на этой дороге сами затворили. Московское правительство в 1584—1585 гг. решило закрыть гавани на Мурмане и сосредоточить весь товарообмен с иноземцами в построенном для этой цели новом Архангельском городе. Повидимому, причина такого решения лежала в военной опасности от датчан, норвежцев и финнов: защищать очень далекую Мурманскую окраину от вражеских нападений было трудно; да и мирное с нею сообщение было затруднено чрезвычайною далью и трудностями пути по морю и тундрам. В 1585 г. Кольский воевода об'явил датскому «державцу» в «приездном го-

родке датских немец» Варгаве (Вардегусе), что московский государь «в Коле волости торговати велел трескою и палтасом и салом трескшным и китовым; а иных некоторых товаров в Коле нет, потому что государь ... корабельную пристань велел учинити в своей же государевой вотчине на усть-Двины реки у нового города (Архангельска) на Холмогорах; и двор гостин там поставлен для торговли, и государя нашего многие гости со многими товары там на Двине готовы; а в Коле-волости государь наш торговым людям некоторых земель никакими большими товары торговати не велел». На просьбу датского короля Фредерика II отменить это распоряжение и оставить торг в Коле, в 1586 г. последовал отказ. Царь Феодор Иванович отвечал королю: «а что писал еси к нам в своей грамоте о торговле в нашей отчине в Лопской земле, что был учинен торг в Малмюсе, то-есть в Коле, и нам бы то торговое место опять в Малмюсе велети устроити, — и мы ныне торг изо всего Поморья, из своей вотчины Двинския земли и из Колы и из иных мест перевели и учинили в одном месте на усть-Двины реки у нового города у Двинского ... а в Коле волости торгу есмя быти не велели, занеже в том месте торгу быти непригоже: то место убогое»[1]). Так совершилось закрытие Мурманских гаваней, и создалась торговая монополия нового Архангельска.

Сосредоточение внешней торговли в одном Архангельском порту повело за собою важные последствия для всего севера. Пути из московского центра, ведшие на север, получили как бы новую бытовую расценку. Среди них сразу же стал важнейшим путь от Москвы на Холмогоры и на Двинское устье к вновь основанному

---

[1]) «Русская Историческая Библиотека», т. XVI, стр. 213—214; 235—236.

(1584) городу Архангельску. Он шел через Ярославль, Вологду, Устюг, и в этих пунктах к нему примыкали боковые пути с разных сторон. Около Устюга сходились дороги с востока — с Вычегды и Юга, соединявшие с магистралью Вятку, Пермь и Урал. Став в узле двух особенно оживленных в исходе XVI века путей, связывавших Москву с ее единственным портом и с новой провинцией Сибирью, Устюг быстро вырос до первенствующего значения в крае и в начале XVII столетия стал даже больше Холмогор, уступая только Вологде своими внешними размерами и торговым значением. Положение же Вологды стало исключительно важным. Она всегда была как бы посредницею между Поморьем и центральными московскими волостями, как бы воротами в Поморье. Теперь же, когда устроился торг с иноземцами в Двинском устьи, Вологда стала играть особую роль — пункта, откуда начинался речной путь, «судовой ход», к Архангельску для всех товаров, подходивших туда сухопутьем. Поэтому Вологда оказалась неизбежною станциею для всех грузов, шедших с Поволжья на север и с севера в центр государства. Здесь товар должен был перегружаться с телег и саней на суда, или обратно, и выжидать полой воды или же зимнего пути. Весь средне-русский отпуск в Архангельский порт сосредоточивался весною в Вологде и перед погрузкою на суда подвергался таможенному досмотру. Иноземцы, главным образом англичане, сами являлись в Вологду для закупки товаров по более сходной цене, стараясь миновать лишних посредников, и сами же везли с моря товары по Двине и Сухоне до Вологды, устроив здесь для них склады в своем доме, «обширном, как замок» (по выражению голландца Исаака Массы, видевшего этот дом). Таким значением Вологды об'яс-

няется ее большой рост в XVI веке. Сам Грозный обратил внимание на Вологду, посетил ее и выстроил в ней каменный большой кремль; с той поры, с 60-х годов XVI века, Вологда заняла одно из самых видных мест во всем Московском государстве, как по своему торговому значению, так и по количеству жителей (свыше 1.500 дворов). В смутное время начала XVII века все боровшиеся в государстве стороны стремились овладеть Вологдою, понимая ее важность и отдавая ей первенство среди всех северных городов. Особенно значение Вологда получила в зиму 1608—1609 гг. Весь иностранный привоз навигации 1608 г., с окончанием торга и выгрузки в устьях С. Двины, был направлен по обычаю к Москве, но по военным обстоятельствам застрял в Вологде, так как смута закрыла ему дальнейший путь на юг. Осенью 1608 г. торговые иностранцы не поехали южнее Вологды; а вместе с ними на Вологде остались и «все лучшие люди московские гости», которые выехали из Москвы на север для государевых и своих торговых дел. С ними были их «великие товары» и государева казна, состоявшая не только в деньгах, но и в мехах. Понятно, какую ценность получала Вологда по сосредоточенному в ней богатству и какой социальный вес имели сидевшие в ней «большие» люди. Правительство царя Василия Ивановича Шуйского образовало в Вологде особую «думу» для обороны города и всего северного края, и в эту думу входили под главенством воевод выборные люди от московских гостей и иноземцев. Военные действия, приведшие к поражению войск второго самозванца на севере, были в значительной мере ведены при участии и под влиянием этого Вологодского совета или «думы». Вологда оказалась в фокусе военных и политических операций той эпохи и жестоко по-

страдала от смуты. Пережив много превратностей, торжествуя над врагами и подвергшись грабежам и вражеским нашествиям, Вологда в результате разорилась и опустела. В 1627 г. в ней на тысячу жилых дворов было более 500 пустых, и притом в жилой тысяче только около 300 было признано налогоспособными, остальное же была беднота, «не пригодившаяся в тягло». Но город, отлично расположенный в узле торговых путей, скоро оправился от своих бед и во второй половине XVII века опять расцвел до прежней степени населенности и благосостояния.

IV

ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XVI—XVII ВВ.

1

В хозяйственной жизни великорусского племени XVI век имел особое значение. Московское государство, образованное в XVI веке порывом к об'единению сознавшей себя великорусской народности, пережило на первых же порах своего существования ряд потрясений. Казалось, всё сначала складывалось на пользу молодого государства: легко отпало татарское иго, и самые ханства татарские подробились и ослабели; Литва утратила прежний перевес сил над Москвой и уступила Москве много русских пограничных земель. Внутреннее об'единение государства совершалось быстро и решительно: местные власти Новгорода, Пскова и удельных княжеств никли перед властною волею московского государя, и он на деле мог «един властель быти» в русской земле. Первые московские «самодержцы» Иван III и Василий III упивались успехами своей политики, в общем знали только удачи и привыкли к торжествам и победам. Менее счастлив был их преемник Иван Грозный. После несчастного сиротского детства он также

начал свое самостоятельное правление крупными удачами. Покорением Казани и Поволжья он даже приобрел славу и народным героем вошел в народные песни. Но затем начались беды. Война за Балтийский берег с Ливонией превратилась в тяжкую войну с Литвой и Швецией, затянулась на много лет и окончилась поражением. Военные действия разорили все западные области государства, а мирные договоры с победившим врагом отняли всякие выходы к морю через западные границы и поставили русскую торговлю в полную зависимость от соседних правительств. Последние остатки оживленного когда-то новгородского торга были убиты; край заглох и обезлюдел. Только во Пскове военное разорение было до некоторой степени залечено тем, что после войны Псков стал единственным торговым посредником между Москвою и гаванями Рижского залива. Военные неудачи соединились при Грозном с внутренними осложнениями, точнее сказать, явились их последствием. По многим причинам в середине XVI столетия трудовое население Московских центральных областей тронулось с своих мест и начало выселяться на окраины государства. Завоевание инородческих земель, бывших под властью казанских татар, открыло для русской колонизации привольные пространства среднего и нижнего Поволжья, а также и дороги в Приуралье. Падение татарского засилья на юге сделало доступным для русских людей все пространство на юг от средней Оки — «дикое поле» по рр. Дону, Осколу, Северному Донцу. Земля в московском центре была уже повыпахана и население испытывало нужду в «угожей» земле; возможность перейти с истощенного суглинка на нетронутый чернозем манила как простого пахаря, так и крупного сельского хозяина. Поэтому наклонность к переселению

сказалась быстро и решительно; а правительство на первых порах даже само поощряло это переселение, вызывая «верховных сходцев» в «низовские» места для укрепления там русской власти и влияния среди инородцев Поволжья. Так налаживалось законное выселение; рядом же с ним развился и незаконный выход «побег». Его вызывала как общая экономическая неудовлетворенность трудовой массы, так и пресловутая опричнина Грозного, создавшая в государстве эпоху террора. Массовый выход населения из центральных, коренных уездов государства подорвал их благосостояние, разрушил в них земледельческую культуру и, разорив земледельцев, опустошил государеву казну и лишил государство той ратной силы, которая раньше приходила служить «конна, людна и оружна» с богатых трудовым населением земель. В конце своего царствования Грозный понимал, что судьба поставила его перед тяжелым кризисом, что его страна «в пустошь изнурилась и в запустение пришла» и что необходимы особые меры для того, чтобы «землю поустроити».

Такова была общая обстановка, при которой начался и развивался правильный морской торг с Московским государством англичан и их торговых соперников — голландцев.

2

Северная окраина Московского государства, хорошо знакомая новгородцам еще в глубокой древности, в XVI веке представляла собою глухой инородческий край, в котором русское население сидело отдельными гнездами на берегах озер, а также в устьях «морских» рек и при удобных бухтах, где могло с успехом заниматься

рыболовством и иными «морскими» промыслами. С исчезновением новгородских колонизаторов «бояр», истребленных Москвою, из края исчез крупный капитал и экономически сильные предприниматели. При московской власти север стал крестьянским, и только немногие монастыри (главным образом, Соловецкий) являли собою крупные, сравнительно благоустроенные хозяйства, представители которых продолжали дело колонизации и эксплоатации морских берегов. На Кольском полуострове стал заметен в эту эпоху Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, по преданию, около 1532—1533 года. Он жил рыболовством, и братия монастыря настолько развила морской промысел, что могла избыток добытых продуктов сбывать на сторону. В 1562—1564 гг. Печенгские монахи на монастырских ладьях приходили в датскую крепость Вардегуз в Норвегии с рыбой, рыбьим жиром и другим морским товаром для торга с датчанами и норвежцами. Эти торговые сношения с иноземцами вызывались условиями соседства и ограничивались меною местных продуктов. Но предприимчивость голландских торговцев, плававших в те времена в северных морях, позволила им воспользоваться русским торгом в норвежских гаванях и завязать торговые связи, минуя датчан и норвежцев, непосредственно с русскими в их собственной земле. Голландские корабли с 1565 года стали появляться сперва в Печенгской губе, а затем и в Кольской у московского «городка» Колы, в котором не насчитывалось тогда и десятка дворов. С тех пор началась оживленная торговля голландцев с Москвою через «божью дорогу океан море» и северные русские реки. Одновременно с голландцами на северные моря обратили свое внимание и торговые соперники голландцев — англичане.

Очень известно случайное появление в Белом море английских кораблей, направленных в 1553 г. в Вардегуз и по воле ветра заброшенных далее в неизведанные воды Белого моря. Изо всей английской эскадры уцелел здесь один корабль, и его капитан Ричард Чанслер, остановясь в устьи С. Двины у монастыря св. Николая, завязал сношения с русскими властями на Холмогорах. После предварительной с ними «обсылки», с устья Двинского «приехали на Холмогоры в малых судах от английского короля Едварда посол Рыцарт (Ричард Чанслер), а с ним гости (то-есть купцы), а сказался, что он идет к великому государю к Москве». Чанслера допустили в Москву и приняли как посла; через него московское правительство охотно завязало непосредственный торг с Англией. С течением времени английские корабли, получившие прочную гавань в Корельском устьи С.-Двины, стали заходить и в другие места северного русского побережья; голландцы же в свою очередь около 1577 года проникли в С. Двину. Стремление иностранцев закрепить за одною какою либо нацией монопольное пользование определенной русской гаванью не встречало сочувствия у московского правительства. Оно готово было допускать в свои воды всякие корабли и всех вообще «гостей» (то-есть купцов), готово было давать этим гостям всякие льготы, чтобы приманить их к деятельному общению с Москвою; но по военным обстоятельствам и политическим соображениям оно пришло к решению закрыть Мурманские «пристанища» и сосредоточить иноземный торг в одной только гавани одинаково для всех наций. Такою гаванью сделало оно Двинское устье, где в 1583—1584 гг. был построен город Архангельск. С тех пор установился и держался до времени Петра Великого такой поря-

док торговых сношений с «заморскими немцами». В Архангельске в период короткой летней навигации происходил торг. Базою для него служил город Холмогоры, куда на зиму оттягивались купцы, гарнизон и администрация Архангелогородской ярмарки. От ярмарки и Холмогор Двиною шел магистральный путь в центр государства через торговые города, питавшие своими торговыми оборотами ярмарочные склады Архангельска. Такими городами были Великий Устюг, «где в сентябре и октябре бойко торгуют мехами» из Сибири и Перми; затем Вологда, «один из самых замечательных торговых центров России», и Ярославль, первый после Москвы город в государстве по населенности, богатству и оживлению. Ярославль лежал в узле многих торговых путей, ведших на север из Поволжья и Москвы; Вологда же была пунктом, где все товары, шедшие в Архангельск из Московского центра и Поволжья, грузились на суда; а товары иноземные, пришедшие с севера, с судов перегружались на сани или колесный ход. Дорога от Двинского устья до Москвы рано стала известной и доступной для иностранцев. На главных ее этапах они успели устроить свои фактории и жилища еще в первые десятилетия торговых сношений с Москвою. Но и другие места русского севера иноземцы не оставили без внимания: они исследовали русское побережье Ледовитого океана; они побывали на путях, ведущих от С. Двины к Новгороду и Уралу; они разузнали те места, где происходили торжки русских с северными инородцами (вроде Лампожни на Мезени) и постарались принять в них участие. Ряд деловых отчетов и литературных рассказов голландских и английских купцов и путешественников об их странствованиях по Московии составляет ценнейший для

русского историка географический и бытовой материал. Энергия и мужество торговых конкурентов, какими тогда были англичане и голландцы, состязавшиеся за преобладание на московских рынках, вызывает удивление и почтение.

3

Прежде всего способно вызвать наше удивление отважное и умелое поведение самого Ричарда Чанслера (Richard Chancellor), первого англичанина, увидавшего Москву. Он был представителем английской компании или «общества купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых». Заветная цель этой компании заключалась в том, чтобы отыскать северный морской путь в Индию и Китай. На первых порах компания снарядила в северную экспедицию три корабля. Два из них не возвратились: экипаж замерз в одной из бухт на Мурманском берегу. Третий же под командою Чанслера попал в Белое море и в устьях С. Двины вошел в сношения с «туземцами», то-есть русскими. Чанслер решился выдать себя за королевского посла и в таком качестве, вместе с товарищами, которые сказались купцами, был допущен в Москву, где хорошо разыграл взятую на себя роль самозванного посла. Об'яснения его с московским правительством были настолько удачны, что послужили началом благожелательных дипломатических и торговых сношений Англии с Москвою. Проведя в Московии несколько месяцев, Чанслер успел собрать много сведений о порядках московских и нравах. Русские люди не произвели на него хорошего впечатления, и он много и не всегда

справедливо осуждал их, но для своих соотечественников он дал практически ценные указания о вновь открытой им стране и о возможности правильных с нею сношений. По его стопам скоро пошли другие англичане, из которых наиболее были замечательны Стефен Борро (Burrough) и Антон Дженкинсон.

Борро, спутник Чанслера, по возвращении с Чанслером в Англию, принял от своей торговой компании поручение отправиться снова в северные моря с целью открытия путей на восток. Надеялись, что ему удастся достигнуть по крайней мере устьев р. Оби. В летние месяцы 1556 года Борро побывал в Кольской губе, а затем достиг Канина носа, Югорского шара, Вайгача и даже Новой Земли. Но до Оби он не успел добраться и на зимовку пошел в устье С. Двины. Оттуда весною 1557 года он хотел было возобновить поиски путей на восток, но его направили в другую сторону. Английская эскадра, вышедшая 2 августа 1556 года из Двины в Англию с русским посольством и русским товаром, пропала без вести (из четырех ее кораблей уцелел и прибыл в Темзу только один). Стефену Борро пришлось идти на поиски погибших, и он обследовал берега Кольского полуострова в горловине Белого моря и на севере. Путешествия Борро обогатили географические познания европейцев и доставили самому ему славу замечательного путешественника.

Если Борро явил свое мужество в борьбе с суровою природою севера, то современник его Антон Дженкинсон оказался не менее смелым в борьбе с природою и кочевниками юга. До своего появления в Москве он много путешествовал по Европе, был в Турции, Палестине, северной Африке. В Москву впервые он явился в конце 1557 года. Летом приплыл он в Холмогоры и

в августе выехал оттуда в Вологду, а из Вологды уже на санях отправился в Москву. Зиму 1557—1558 гг. Дженкинсон провел в Москве и попросил у царя разрешения на поездку в Азиатские страны. Весною, снабженный царскими проезжими грамотами, поплыл он реками Москвою, Окою и Волгою на восток. В Астрахани сел он вместе с персидскими и татарскими купцами на морское судно и, переплыв Каспийское море, высадился на полуострове Мангышлаке. После многих приключений добрался он до Бухары, где благополучно перезимовал, замышляя весною 1559 года ехать в Китай или Персию. Но постоянные войны и разбои кочевников затворили ему на этот раз все дороги, и он вернулся в Москву. Описание его путешествия, хотя и не лишено некоторых неточностей и преувеличений, но считается исторически важным потому, что Дженкинсон был первым (и единственным в XVI веке) образованным западноевропейцем, проникшим в Среднюю Азию. Если и допускать, что наш путешественник не воздерживался от похвальбы и прикрас, всё же его описание свидетельствует о чрезвычайном его мужестве и выдающейся наблюдательности. На первом своем знакомстве с Азией он не остановился: в 1561 году он снова явился через Холмогоры в Москву и оттуда пробрался в Персию. Весною 1562 г. отправился он прежним путем в Астрахань, оттуда поплыл в Дербент, был в Шемахе, Тавризе и, наконец, нашел шаха в Казвине, где и зимовал, а затем весною 1563 г. пошел в обратный путь и достиг в августе Москвы, где и остался до весны 1564 года. И после этого путешествия Дженкинсон еще дважды морем ездил из Англии в Москву (1566 и 1571 гг.), неизменно пользуясь милостивым приемом Грозного царя. Знакомясь с записками Дженкинсона о его поездках,

нельзя не подивиться его отваге и энергии: вся жизнь этого человека проходила в движении по мало изведанным морям и еще менее изведанным странам. Географические наблюдения и измерения, торговые справки, этнографические описания, дипломатические переговоры — на всё это был способен Дженкинсон и всем этим он доселе полезен одинаково историку и географу. Можно ясно себе представить, как важны и полезны были сведения, доставляемые Дженкинсоном, для его современников, торговых англичан и английского правительства, в их сношениях с отдаленной Московией.

В энергии и отваге англичанам не уступали и голландцы. В 1566 г. Антверпенская торговая компания отправила в Печенгу и Колу в качестве торгового агента своего бухгалтера Симона фон Салингена. В Коле он встретился с купцом Корнелиусом де Мейером Симонсоном. Мейер только что вернулся в Колу из неудачной поездки в Москву: его задержали в Новгороде, найдя недостаточными его документы. Салинген и Мейер решились на новую попытку проникнуть в Москву и, не рассчитывая пробраться туда через Новгород, избрали другой путь. Они оделись в русское платье, наняли лодку с русскими гребцами и через Кандалакшу, Кемь и Суму прошли в Онегу и Каргополь, откуда явились в самую Москву. Там им удалось сыскать «гостя» (то-есть купца) Степана Твердикова, с которым они познакомились еще в Голландии, когда он приезжал в Антверпен по поручению Московского царя. Твердиков, повидимому, испугался за своих смелых гостей, да и за себя самого. Это было крутое время опричнины и опал; у голландцев не были в порядке документы; они заранее не испросили позволения на путешествие в Москву и, в довершение всего, были в ту-

земном платье, как бы скрывая свою иноземную «природу». Твердиков посоветовал им не соваться на глаза властям, и потому наши путешественники оставили Москву без огласки и направились в Новгород. Из Новгорода Мейер отправился в Нарву; Салинген же остался пока в Новгороде и торговал там жемчугом и драпоценными вещами, а затем вернулся в Колу. Он не указывает точно своего пути из Новгорода в Колу, — но этот путь описан англичанами, одновременно с ним ездившими между Белым морем и Новгородом. Путь шел от Новгорода по Волхову и Свири на Повенец, Телешну-реку, Выг-озеро, Выг-реку и Сороку. Странствования Салингена и Мейера могут удивить нас не только их смелостью, но и тем, что в острый политический момент казней и опричнины в Москве людям без местного языка и должных документов (проезжих грамот и т. п.) оказалось возможным дважды пересечь всю страну от Москвы до ее крайних северных рубежей, и притом безо всяких особых приключений. Очевидно, отношение к иностранцам в тогдашней Руси было очень терпимым. Надо прибавить, что к такому же выводу ведут и путевые замечания современных англичан. Возвращаясь из Азии в Московскую Астрахань, Дженкинсон считает свои опасности минувшими и лишде не жалуется на обиды и притеснения со стороны русского населения и администрации.

Еще большую, пожалуй, отвагу, чем Мейер и Салингеи, проявил Брюсселыский уроженец Оливер Брюнель. На одном из первых нидерландских кораблей приехал он в Колгу, повидимому, еще очень молодым человеком. Из Колы голландцы послали его в Холмогоры учиться русскому языку, а оттуда, по какому-то доносу, он был отправлен в Москву и затем попал в Ярославль в тюрь-

му. Из тюрьмы его выпустили по почину знаменитых Строгановых, которые взяли Брюнеля на свою службу в качестве торгового агента. Это было около 1570 года. Не один раз по поручению Строгановых Брюнель возил для продажи меха за границу. На голландском корабле в свою первую поездку отплыл он из Колы в Дордрехт и Антверпен, побывал в Париже и обратно вернулся в Колу морем. Другие поездки имели иной маршрут, а однажды, в 1577 году, Брюнель даже ухитрился с запада добраться до Московии сухим путем, несмотря на опасности военного времени. В последующие годы его энергия была направлена в иную сторону. По поручению Строгановых он дважды ездил в Сибирь к р. Оби, спускаясь в море по Печоре, и, таким образом, ознакомился с условиями плавания вдоль Сибирских берегов. В 1581 году он хлопотал о чрезвычайно любопытной экспедиции. От имени Строгановых ездил он в Голландию приглашать на их службу опытных моряков. На Северной Двине Строгановы выстроили два корабля, с которыми Брюнель и должен был обогнуть с севера Азиатский материк, чтобы проникнуть в Китай. Однако, осуществление этого плана не удалось: экспедиция была снаряжена Брюнелем, повидимому, независимо от Строгановых на собственном корабле; около 1584 года плавание Брюнеля началось, но проникнуть на восток далее о. Вайгача и Новой Земли ему не пришлось из-за льдов. Повидимому, эта экспедиция повела к разрыву Брюнеля со Строгановыми. Он выбрался из России в Данию и остался там, поступив на датскую службу. В истории северных путешествий имя Брюнеля заняло почетное место, и его географические наблюдения весьма ценились его учеными современниками.

Из немногих приведенных примеров ясна та энергия, с какою иностранцы взялись за изучение новой для них страны. Мотивы коммерческие лежали в основе их предприятий; дух научного исследования руководил лишь немногими путешественниками. Вот почему в результате всех изысканий англичан и голландцев являлись не научные трактаты, а торговые договоры с московским правительством, стремившиеся использовать (и по возможности монопольным способом) исследованный край. Английская компания, в лице Чанслера, первая вступила в такой договор с Москвою, получив от царя Ивана Васильевича «жалованную грамоту» на свободный проезд для торга в московское государство. За первою грамотою последовали и другие, создавшие ряд торговых льгот для этой именно компании «купцов-искателей» («Merchants-adventurers»), которой покровительствовало английское правительство. Компания в 1569 году получила право беспошлинного торга во всем московском государстве и монополию на торговлю в Казани и Астрахани и в Нарвской гавани; разрешался даже транзит для торговли с Персией. Компания могла владеть недвижимостью в русских городах, иметь канатную фабрику в Вологде, искать железную руду на р. Вычегде, пользоваться ямскими лошадьми, держать русскую прислугу и рабочих. Ей было даровано право «жить по своему закону»; в юрисдикции агента компании находились все ее члены и служащие. Московская власть ведала англичан лишь в их столкновениях с русскими людьми или иными иностранцами, и для этих случаев Грозный особо пожаловал компанию, взяв ее в ведение опричнины, иначе говоря, в свое собственное ведение. Эти исключительные льготы, однако, не продержались долго. Политические размолвки Грозного с

королевою Елизаветою и явная невыгодность для Москвы компанейских привилегий повели к ограничению их и к частичному уничтожению. Компания то теряла, то восстанавливала свои льготы; но с течением времени московское правительство твердо усвоило себе правило не создавать монопольных преимуществ ни для каких иностранных торговых организаций или отдельных лиц. Рядом с компанией «купцов-искателей» оно давало «жалованные грамоты» и другим англичанам и поощряло торговые приезды купцов иных наций. Со смертью Грозного окончились красные дни англичан, принадлежащих к компании: московский дьяк, ведавший внешние сношения Москвы, насмешливо об'явил английскому агенту, что в лице Грозного «английский царь помер» и что теперь в Москве к англичанам будут относиться иначе. Компания, действительно, никогда более не могла вернуть себе преимуществ, какими ее жаловал Грозный, а в середине XVII века она и вовсе была лишена права торговли внутри Московского государства. Англичане, как принадлежавшие к компании, так и не принадлежавшие, должны были стать в одинаковые с другими иноземцами условия торговой конкуренции в Архангельской гавани, дальше которой им не стало езду.

В пору наибольших английских успехов в Москве английская компания, а за нею и английское правительство, упорно добивались от московских властей, чтобы они предоставили английским купцам исключительное право на торг с Москвою и не допускали бы в С. Двину кораблей других наций. В стремлении своем монополизировать московскую торговлю англичане прибегали даже к насилиям, задерживая на пути к Архангельску чужие корабли и побуждая к тому же датское прави-

тельство, которое и без того не желало поощрять плавания голландских кораблей вдоль Лапландского берега. На все такие притязания англичан Москва отвечала отказом, считая, что всякий мог пользоваться открытым морским путем. «Морская дорога к нашей вотчине, в Холмогоры, Колу и другие морские пристанища, не новая» — говорили московские дипломаты датчанам и англичанам: «ту Божью дорогу окиан-море как мочно переняти и унять и затворить?». Голландцы сумели использовать такой взгляд московской власти. Отчетливо представляя себе все обстоятельства дела, они решились на борьбу с англичанами. Некто Лука Энтельстадт в 1589 году представил Нидерландским генеральным штатам замечательную по осведомленности записку, в которой изложил все выгоды от торговли с Москвою и рекомендовал, не смущаясь английскою монополией, послать в Москву посольство и дипломатическим путем добиться заключения торгового договора на право торга внутри Московского государства. Пока штаты собирались исполнить совет Энтельстадта, некоторые предприимчивые голландцы частными усилиями добились для себя разрешения на в'езд в Москву и другие русские города, и за время Бориса Годунова, а также в смутные годы начала XVII века, внутри Московского государства мы видим достаточное число голландских купцов, жестоко конкурирующих с англичанами. Обе народности отличались энергией, предприимчивостью и смелостью, обеим казалось, что соперник достиг большего успеха, чем бы следовало, и потому оба соперника с исключительной настойчивостью шли к своей цели — укрепиться на московской почве и стать необходимыми на московском рынке.

4

В таких бытовых и правовых условиях действовали иностранцы в Московском государстве. Северная окраина Руси («Поморье»), столица Москва, Новгород и пути к Нарвской гавани, наконец, Волга и Каспий, как путь на азиатский восток, — вот что привлекало внимание англичан и голландцев в Московии. С переходом Нарвы к шведам, Новгород и Нарвский путь теряли свое значение в московском торговом обороте. В Азию по Волге можно было попадать только с разрешения московской власти и с ее деятельной помощью и контролем. В Поморьи же эта помощь бывала и не нужна, а контроль был часто неосуществим. Официально для иностранных мореходов была там открыта одна гавань, одно «пристанище» Архангельское. А на деле иностранные корабли могли пользоваться всеми доступными «пристанищами» от Кольской губы до устья Печоры и, действительно, пользовались ими, заводя сношения с русскими рыбаками и «лодейниками» и с прибрежным населением. А по зимнему пути они ездили во все стороны от Архангельска, изучая край и отыскивая места торга — ярмарки, где они могли бы всего легче приобрести местные товары и сбыть свои. Уже в первые десятилетия своего пребывания на русском Севере иностранные гости узнали хорошо его важнейшие пункты и пути. Они обратили в свои постоянные базы те пристани, где их официально принимали: англичане — свой «Розовый остров» (о. Ягры) в Никольском устьи С. Двины, а голландцы — пристань в Пудожемском устьи. Впоследствии и те и другие перешли в Архангельск и Холмогоры, где приобрели усадьбы и хорошо

обстроились. Из этих своих факторий они и предпринимали всякого рода разведки. В 1566 году английская компания предписала своим агентам осмотреть путь от устьев Двины до Новгорода и Нарвы, чтобы узнать, можно ли связать между собою северную и западную московские гавани. Вследствие этого два англичанина Томас Соуттем и Джон Спарк отправились из Холмогор морем в Соловки, получили там проводника и с ним направились на Сороку и устье р. Выга. По Выгу шли они на трех небольших лодках, перетаскивая их через пороги. Переплыв Выгозеро, пошли они вверх по р. Телешной и затем на телегах приехали в Повенец, а оттуда опять на судах Онежским озером, Свирью и Волховом приплыли в Новгород. Поставленная им задача была, таким образом, разрешена (выше было рассказано, что в те же годы такого же рода путешествие по северным путям до Москвы и Новгорода сделали голландцы Салинген и Мейер). Немногим позднее агент английской фактории в Москве Антоний Марш вошел в сношения с русскими мореходами из Пустозерска и сговорился с ними, чтобы они с его комиссионером предприняли поездку в Сибирь к Оби за тамошними товарами. В 1584 году эта поезда и была совершена, вероятно, по рр. Печоре и Усе. Хотя купленные там для англичан меха и были конфискованы московскими властями, но Марш получил от пустозерцев много полезных географических и торговых сведений, которые позднее пошли в прок англичанам. Одновременно с попыткою Марша англичанин Франсис Черри успел лично с'ездить на крайний северо-восток России в Пермский край (into Permia) и, повидимому, добрался до северного Урала. Позднее, когда московская смута потрясла государственное единство и гражданский порядок в Москве,

английская компания потеряла возможность торговых сношений с самой Москвою и уже не получала товаров в Архангельске. Чтобы не терять русского рынка, она задумала завязать прямые торговые сношения с местными центрами на русском Севере и, между прочим, с Пустозерском в устьях Печоры, откуда была надежда проникнуть в Сибирь, в места добычи наиболее ценных сортов пушного товара. В 1611 году английский корабль явился в устье Печоры и высадил в Пустозерск агентов компании Джосиаса Логана и Виллиама Порсглова с товарами для обмена и торга. Оба эти лица остались в Пустозерске на зиму 1611—1612 гг. Далее на восток проникнуть им не удалось; но и оставаясь на Печоре, они могли приобретать сибирские товары. Они действовали на устьях Печоры и поднялись по Печоре до Усть-Цильмы. С караваном самоедов и пустозерцев Порсглов на оленях осенью 1611 года отправился на запад, на Мезень.

Но низовьях Мезени, сперва на островке Лампожне, а впоследствии в нововозникшей «Слободе» («Окладникова слободка» на месте нынешнего города Мезени) дважды в зиму бывала большая ярмарка, на которую с'езжались для менового торга самоеды, пермяки и русские купцы из Холмогор, Вологды и других мест. В «Слободе» Порсглов нашел англичанина Томаса Лайтона, который постоянно там жил, торгуя не от английской компании, а от себя лично, или же от своего зятя Ричарда Кокса. Из Слободы Порсглов проехал в Холмогоры, где застал другого англичанина Фабиана Смита, агента компании. После торга Порсглов возвратился в Пустозерск в январе 1612 г. и, скупив на Печоре и вытопив белужий жир летнего улова, осенью 1612 г. вместе с своим товарищем Логаном на ладье вер-

нулись в устье Двины. Вслед за этими двумя англичанами на Печоре действовали их товарищи Вильям Гордон, которму удалось в 1614 г. побывать даже на северном Урале, «в Югре», на р. Усе, и Мармадьюк Вильсон, который годами живал в Усть-Цыльме для приобретения пушнины.

Так, пользуясь смутою и ослаблением надзора, иноземцы, можно сказать, обшарили весь север и добрались до всех его «заповедных» товаров. Но с восстановлением порядка в XVII веке их постепенно вытеснили в их старые фактории и крепко закрыли Поморье от предприимчивости иностранцев. Открылось оно снова лишь в эпоху Петра Великого, когда правительство само стало понемногу изучать север с помощью иноземных ученых и техников.

V

СТРОГАНОВЫ, ЕРМАК И МАНГАЗЕЯ

Можно назвать детски наивным то представление, что Сибирь открыли Строгановы, а Ермак завоевал. Новгородцы, владевшие русским Севером, века за два до Ермака уже ходили на р. Обь с Северной Двины и Печоры. В пятнадцатом веке великий князь Московский Иван Васильевич два раза посылал войска на Обь — на вогулов и «югру» (остяков и «самоядь») и считал эти племена своими подданными. В шестнадцатом веке русские знали в Сибири, кроме татарского «Сибирского царства» (местностей по рр. Туре, Тоболу и Иртышу), еще «Мангазею» (местность между Обскою губою и низовьями Енисея по р. Тазу). Сибирское царство в 1555 году признало верховенство над собою Москвы и обязалось платить ей дань — по 1.000 соболей в год, но обязательство это выполняло неисправно, а лет через двадцать и вовсе отпало от московской власти. Что касается до Мангазеи, то в ней не существовало никакой власти: дикие инородцы, «югра» и «самоядь» бродили по тундре и вели меновой торг с проникавшими туда русскими людьми. Еще в глубокой древности новгородское предание рассказывало об этой сказочной стране, что ее люди «помавают рукою, просяще железа,

и аще кто даст им нож ли, ли секиру, дают скорою (мехами) противу». Обилие мехов ценнейших сортов делало эту местность «золотым дном», «своего рода Калифорнией» [1]), куда жадно стремились за добычей драгоценного пушного зверя русские люди, истощившие к шестнадцатому веку зоологические богатства Беломорских побережий. От удачной поездки в Мангазею можно было сразу разбогатеть. Вот что, например, вывез оттуда московский ревизор, посланный по службе в Мангазею в 1625 году и тайно захвативший с собою для собственного оборота 4 бочки вина и снаряд для «самогонки»: он привез 15 сороков соболей, 25 «недособолей», 724 выимка собольих, более 900 пупков (ремней из шкурок, с брюшка), более 100 белых песцов, 6 голубых песцов, 15 бобров, 162 заечины, несколько меховых одеял, кафтанов и шуб, 16 пластин собольих и много «всякого лоскута» и более дешевых мехов. Немудрено, что, открыв «великую реку Лену» в семнадцатом веке, русские знатоки сравнивали ее по богатству с Мангазеей: «та великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней розных землиц, кочевных и сидячих, и соболей и иного всякого зверья много ..., и государеве казне в том будет большая прибыль и будет та Лена-река другая Мангазея».

В Мангазею вели многие пути. Один из них шел с р. Печоры в р. Усу, «а по Усе-реке вверх до устья Соби-реки, а из Соби-реки в Ель-реку до Камени (Уральского хребта) до волоку, а через волок через Камень в Собь в другую реку, а Собью-рекою вниз до Оби Великой». Это был северный путь, на котором с течением времени возник городок Обдорск на Оби против Собского устья.

---

[1]) П. Н. Буцинский. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.), стр. 1.

Второй путь шел южнее: с р. Вычегды «на р. Вымь, с Выми на р. Турью, а с Турьи на Печору, а с Печоры через Камень», вероятно, по р. Щугуру и р. Сосве в Обь. На этом пути около 1594 года стал городок Березов. Еще южнее наметилась третья дорога — с р. Камы по р. Тавде или Туре в р. Тобол и по Тоболу в Иртыш и Обью до Обской губы. Все эти дороги были трудны; на них были многие «злые места». Южный путь бым наиболее удобен, но и наиболее долог; а кроме того, на нем расположилось «Сибирское царство», сквозь которое не всегда можно было пройти от татарских насилий. Неудобства этих «сухих дорог» заставляли русских промышленников, идущих в Мангазею, выбирать морской путь. В «большое море окиян» выходили из Северной Двины, из Холмогор, или из «Кулойского устья» (из р. Кулоя), или из «Пуста-озера» (из Печоры), и «бежали парусом» в Карскую губу. В эту губу впадала речка Мутная, которая верховьями своими, через озера, сближалась с речкой Зеленой, текшей в Обскую губу. Между Мутной и Зеленой был «сухой волок», «а сухого волоку от озера до озера с полверсты и больши, а место ровное, земля песчана». Перебравшись через волок, выходили Зеленой рекой в Обскую губу, не огибая полуострова Ялмала, и шли в Тазовскую губу, где уже была Мангазея. Путь этот был тоже нелегок, и здесь встречались всякого рода трудности и «морем непроходимые злые места». Но морской ход давал возможность перебросить сравнительно большие грузы в относительно короткий срок, «поспевают морем в Карскую губу от города (Архангельска) в две недели»; и столько же надобно времени на остальной путь: в итоге «поспеть от Архангельского города в Мангазею недели в полпяты мочно». Конечно, четыре с

половиной недели немного сравнительно с тем, что с Камы в Мангазею надо было идти два с половиною месяца. Так как на всех путях идущих ожидали всякого рода опасности и трудности и от природы, и от лихих людей, то морской путь с его льдами, штормами и противными ветрами не казался хуже других, и промышленники предпочитали пользоваться именно им. Когда иностранцы — англичане и голландцы — явились в Ледовитый океан, к Мурманским и Беломорским берегам, они уже в середине шестнадцатого века нашли здесь русских мореходов, которые знали берега Карского моря и, как сообщает один из иностранцев, свободно говорили по-самоедски и хорошо знали р. Обь вследствие своих ежегодных поездок в те страны.

Эти обстоятельства надобно знать для того, чтобы оценить настоящим образом положение и деятельность знаменитых Строгановых на русском северо-востоке в шестнадцатом веке. Их вотчины были разбросаны по всему северу; но главные гнезда их образовались на Вычегде и на Каме с Чусовой. Недавнее любопытнейшее исследование [1]) дает поразительную картину промышленной деятельноти Строгановской семьи. Кажется, все без исключения естественные богатства северного края от Колы до Оби входили в их деловой оборот и давали им ценные товары для торга в Московском государстве и за границей. Конечно, пушной товар при-

[1]) А. А. Введенский. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве («Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Изд. «Огни». Петроград, 1922 г., стр. 90 и след.). Прекрасный очерк Пермской деятельности Строгановых в XVI веке находим у С. В. Бахрушина. «Исторический очерк заселения Сибири» в «Очерках по истории колонизации Севера и Сибири», вып. II. Петроград, 1922, стр. 24 и след.

влекал их не менее, чем соль и железо, и сам Грозный давал Строгановым поручения по приобретению для него соболей. Есть известия, что Аника, родоначальник наиболее богатой и известной ветви рода Строгановых, не довольствовался скупкою мехов, привозимых иногородцами и русскими промышленниками из Сибири на Вычегду, но сам пытался проникнуть в места добычи пушного зверя, то-есть, в Мангазею на Обь. Он посылал туда своих людей для того, чтобы изучить обстановку и завязать там торговые связи с самоедами. По мнению хорошо знавшего русскую жизнь шестнадцатого века голландца Исаака Массы, именно от торга с самоедами на низовьях Оби и пошло богатство Аники Строганова, ибо он сумел ранее других русских людей пробраться на Обь и наладить там обмен драгоценных мехов на дешевые «немецкие» безделушки и иной русский товар. Так выясняется значение для Строгановского хозяйства далекой Мангазеи, и становится понятным обращение Грозного именно к Строгановым за наиболее ценными сортами пушнины, за «дорогими соболями одинцами», за которыми Строгановы и шлют «к Вычегде и на Вым и в Пермь». Сидя на Вычегде в своем Сольвычегодском хозяйстве, Строгановы для сношений с Мангазеей должны были пользоваться как «сухими дорогами», шедшими туда через Печору и «Камень», так и морским путем. Когда же они завели хозяйство в Пермском крае, на Каме и Чусовой, для них с 1560—1570 годов получил значение и тот южный путь, который выводил на Иртыш и Обь по рекам, близким к их новой вотчине, скорее всего — по Туре.

Такова была обстановка в тот момент, когда состоялся поход Ермака на Сибирское царство. Как известно, наиболее надежною хронологическою датою для начала

этого похода является 1 сентября 1581 года; а самою правильною оценкою этого предприятия будет та, по которой поход «атаманов воров» был военным поиском, направленным по обычному пути сообщения Пермского края с Обью. Подготовка этого поиска началась ранее 1581 года: по некоторым сведениям, сношения Строгановых с казаками начались еще в 1579 году. А самую мысль о возможности наступления за Урал по Тоболу и Иртышу надобно относить за несколько лет ранее — к 1574 году, когда Строгановы просили, а Грозный дал им право этого наступления. Нет оснований сомневаться в подлинности сообщаемой Строгановской летописью царской грамоты 30 мая 1574 года [1]). По этой грамоте Строгановым разрешалось ставить крепости и держать вооруженную силу, «крепитися всякими крепостьми накрепко» — в «Сибирской стране за Югорским каменем на Тагчеях и на Тоболе-реке и на Иртише и на Оби и на иных реках». Делалось это «для береженья и охочим людям на опочив», потому что «Сибирской салтан» и зависимые от него инородцы часто нападали на русские поселки в Пермском краю и мешали мирному движению по названным рекам. Между тем, по Оби и Иртышу «с Руси» ходили «охочие люди» в Мангазею, а на Русь приходили «торговые люди бухарцы». Оба направления — на Сибирский север и в Среднюю Азию —

[1]) Неисправный список этой грамоты у Г. Ф. Миллера («Описание Сибирского царства», изд. 2-е, стр. 70—73) не вполне совпадает с цитатами в летописи и кое в чем вызывает сомнение. Но дата грамоты одинакова в обоих источниках, как и скрепа дьяка Петра Григорьева (Совина). Указание на этого опричнинского дьяка в соединении с пометой, что грамота «дана в слободе» (Александровской), в особенности утверждает уверенность, что мы имеем дело с подлинным документом, вышедшим из «опричнины», в коей ведались тогда Строгановы.

питали русскую торговлю азиатскими товарами и были весьма ценны для Строгановых. Соображая местные условия, Строгановы рассчитывали утвердиться на важных путях и сбить с них «Сибирского салтана», вогулич, остяков и прочих инородцев. Мысль, возникшая в 1574 году, таким образом, начала осуществляться в 1581 году. Надежды Строгановых сбылись полнее и легче, чем они могли надеяться. Сибирское царство оказалось слабой политической организацией и быстро распалось. «Салтан» был побежден Ермаком, и лишенные его руководства разрозненные инородцы скоро признали московскую власть, поддержавшую Ермака и его казаков. Вместо Строгановских острожков на Тоболе и его притоках возникли царские города. Сообщение Перми с Обью, а стало быть и с Мангазеей по южному маршруту, обезопасилось, было обставлено крепостями. На самой Оби на путях к Мангазее были устроены крепости Березов и Обдорск. В несколько лет край преобразился. В самой Мангазее около 1601 года был построен город. Царь Борис и сын его царевич велели в этот город призвать туземцев и сказать им жалованное слово, что прежде сего приходили к ним в Мангазею и Енисею (sic) вымичи, пустозерцы и многих государевых городов торговые люди, дань с них брали воровством на себя, а сказывали — на государя; а теперь государь велел в их земле поставить острог и от торговых людей их беречь.

Так завершилось одно вожделение Строгановых. Постаравшись открыть путь на Обь для себя, они посодействовали открытию его для великого государя и тем ввели Мангазею в область государственного ведения. Одновременно с этим постигло их и другое разочарование.

С появлением на русском Севере иностранных мореходов и купцов, то-есть с середины шестнадцатого века, Строгановы не замедлили вступить с ними в торговые связи. К своим операциям внутри Московского государства, от Устюга и Вологды до Калуги и Рязани, они присоединили операции заграничные. Они завели «немецкий торг в Коле на Мурманском», торговали и в устьях Сев. Двины. Не довольствуясь простым обменом своих товаров на английские и полландские на местных рынках и ярмарках, они задумали проникнуть и на рынки Западной Европы. Для этой цели нужны были подготовленные агенты, и Строгановы искали их оригинальным способом. Длительные войны Грозного с Литвою, Ливонией и Швецией вели к тому, что в Московском государстве всегда был «полон» — пленные немцы и «литва», которых можно было купить, как продажную военную добычу, и обратить в крепостную зависимость. Повидимому, это дело у Строгановых было основательно налажено, и сыновья родоначальника Строгановых Аники, ездили в Москву за скупкою «полонских людей немцев и литвяков», находимых ими в казенных тюрьмах. Из этого то несчастного люда и получались приказчики, знавшие иностранные языки. В их число попал, между прочим, замечательный человек — Оливер Брюнель из Брюсселя, выкупленный Строгановыми из Ярославской тюрьмы. Брюнель в качестве торгового приказчика на голландском корабле прибыл в Колу в самом начале торговых сношений голландцев с русским Мурманом, — вероятно, в 1560-х годах. Из Колы он направился в Холмогоры, на Сев. Двину, с целью изучения русского языка, но там был заподозрен в шпионстве и взят в Москву, откуда попал в Ярославскую тюрьму. Выкупленный Строгановыми около 1570 года и взятий

ими на службу, он первые годы пребывания у Строгановых служил агентом по торговым сношениями их с Западом. Вместе с русскими приказчиками ездил он несколько раз из Колы в Нидерланды, побывал в Париже, торгуя мехами. Затем, с 1577 года, он был направлен на восток, в Мангазею, и был там, кажется, дважды. В первый раз он проник туда сухим путем, во второй — водою по р. Печоре и морем. Путешествия в Сибирь так увлекли его, что он вполне предался мысли добраться морем и Обью до Китая и, повидимому, склонил к той же мечте и своих хозяев. В 1581 году он был у знаменитого космографа Герарда Меркатора в Клеве и у его друга Иоанна Балака (или Балаха) и сообщил им как свой проект путешествия по Оби в Китай, так и то, что было уже сделано для его выполнения. По его словам, два шведских корабельных мастера на Строгановской верфи на Сев. Двине построили уже два корабля для плавания по Ледовитому океану на восток, и сам он, Брюнель, отправляется теперь в Антверпен, чтобы пригласить на службу к Строгановым на их корабли опытных моряков. Так как Брюнель около этого времени оставил службу у Строгановых (вероятно, просто не возвратившись к ним из Нидерландов и Дании, где он провел остаток жизни), то мы и не знаем ничего о судьбе экспедиции на Строгановских судах. Но для нас чрезвычайно важно то указание, что в 1581 году, одновременно с подготовкою сухопутного поиска Ермака на Иртыш и Обь, Строгановы готовили и мореходный поиск на ту же Обь. Очевидно, тот или иной выход на эту реку казался им желательным в целях их торговли с азиатскими странами — в первую очередь с Мангазеей, а затем с Средней Азией и даже с Китаем. И вот, в то время, как Ермак на суше

достиг цели даже большей, чем можно было надеяться, морской поиск на морских кораблях остался, повидимому, без результата. Морской ход в Мангазею был возможен на «малых кочах» — судах, которые по сухим волокам можно было волочить на себе; морские же корабли, на которых пробовали проникать к Оби иностранцы, затирало льдами, и они обычно гибли или же, в лучших случаях, возвращались, далеко не достигнув Оби. Сношения с Мангазеей продолжались каботажным способом: «в Мангазею по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товары и с хлебом». Ходили туда, разумеется, и Строгановские люди, но их хозяевам не пришлось в Мангазее добыть каких-либо особых преимуществ и достигнуть преобладания.

Предлагаемые заметки представляют собою попытку указать исторический фон, на котором необходимо помещать обычное изложение «подвига» Ермака. Поход Ермака был одним из эпизодов того Drang nach Osten, какой заметен в жизни русской народности во второй половине шестнадцатого века после ее побед над татарским и инородческим миром Поволжья. Значение Строгановых, крупнейших и талантливейших капиталистов эпохи, в этом стремлении Руси на восток бесспорно, и оспаривать их участие, даже руководство в деле Ермака, совершенно невозможно. Мангазея, «золотое дно», манила их к себе всеми путями — и «морем», и «через Камень». Она дала им первое богатство, она сулила им и дальнейшее его умножение. Кроме того, пути в Мангазею считались путями и на другие азиатские рынки. Одновременно Строгановы готовили поиск и морем и южною сухою дорогою в сторону Мангазеи. Морской поиск им не удался, а южный путь, захваче-

ный Ермаком, привел на Обь и в Мангазею государственную власть, которая и усвоила себе плоды Строгановского успеха. Мангазея вошла в государство, стала доступна всем, стала ареною усиленной и ускоренной эксплоатации и была в своих «пушных» богатствах истощена менее, чем в полвека. В середине семнадцатого столетия она уже в упадке, и за пушным зверем русский человек пошел далее, на Енисей и на Лену, предоставив Мангазею бродячей «самоядн».

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
1957

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Был ли первоначально Русский Север крестьянским? 5

II. Новгородская колонизация Севера 16

III. Низовская колонизация Севера 28

IV. Иноземцы на Русском Севере в XVI — XVII вв. . 76

V. Строгановы, Ермак и Мангазея 95

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОБЕЛИСК“

BERLIN W 62, KLEISTSTRASSE 31

	в зол. мар.
Н. Бердяев: Смысл истории	2,—
Н. Бердяев: Философия неравенства .	3,—
Д. Бьюкенен: Моя миссия в России т. I.	3,—
в переплете	4,—
Д. Бьюкенен: Моя миссия в России т. II.	3,—
в переплете	4,—
Б. Вышеславцев: Русская стихия у Достоевского	0,50
У. Джемс: Введение в философию . .	2,—
В. Ирецкий: Мышеловка	1,—
Л. Карсавин: Диалоги	1,—
Л. Карсавин: Джиордано Бруно . . .	2,—
Л. Карсавин: Философия истории . .	4,—
Н. Котляревский: Холмы родины . .	2,—
И. Лапшин: Эстетика Достоевского .	1,—

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОБЕЛИСК“

BERLIN W 62, KLEISTSTRASSE 31.

	в зол. мар.
Герман Леви: Народное хозяйство Соединенных Штатов Америки . . .	2,—
Роберт Лифман: Формы предприятий .	4,—
в переплете	5,—
Н. Лосский: Логика, т. I	2,50
в переплете	3,—
Н. Лосский: Логика, т. II	2,50
в переплете	3,—
Н. Лосский: Логика, т. I и II в перепл.	6,—
Н. Лосский: Обоснование интуитивизма	4,50
в переплете	5,—
Н. Лосский: Материя и жизнь . . .	1,—
А. Марков: Разверстка и натур. налог	4,—
С. Ф. Платонов: Иван Грозный . . .	1,25